

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Сергей Лукьяненко • Новый Дозор

Сергей Васильевич Лукьяненко
Новый Дозор
Серия «Дозоры», книга 5

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132445
Сергей Лукьяненко. Новый Дозор: АСТ, Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-41870-9, 978-5-271-41900-3*

Аннотация

Ночной дозор, Дневной, Сумеречный и, наконец. Последний.
Все? Существует ли конец Пути? Нет! Читайте «Новый Дозор»!!!

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава первая	17
Глава вторая	33
Глава третья	47
Глава четвертая	63
Глава пятая	81
Глава шестая	98
Глава седьмая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Сергей Лукьяненко

Новый Дозор

Моим родителям

*Данный текст сомнителен для Дела Света.
Ночной Дозор*

*Данный текст сомнителен для Дела Тьмы.
Дневной Дозор*

Часть первая

Смутные цели

Пролог

Старший сержант Дима Пастухов был хорошим полицейским.

Случалось, конечно, что он воспитывал обнаглевших пьяниц мерами, не предусмотренными уставом, – к примеру, хорошими зуботычинами или пинками. Но только в том случае, когда пьяница всерьез начинал качать права или отказывался следовать в вытрезвитель. Дима не брезговал пяти-

хаткой, вытрясенной у не имеющего регистрации хохла или чурека, – в конце концов, если зарплата полицейского такая нищенская, пусть нарушители платят штраф ему лично. Он ничего не имел против, когда в забегаловках на подотчетной территории ему вместо стаканчика воды наливали рюмочку коньяка, а с сотни давали тысячу рублей сдачи.

В конце концов, служба есть служба. Она и опасна, и трудна. И на первый взгляд как будто не видна. Должно быть материальное поощрение.

Но зато Дима никогда не выбивал денег с проституток и сутенеров. Принципиально. Было что-то в воспитании, мешающее этим заниматься. Слегка подвыпивших, но сохранивших рассудок граждан Дима зазря в вытрезвитель не тащил. А узнав о реальном преступлении – не раздумывая бросался в погоню за грабителями, честно искал улики, подавал рапорта о мелких кражах (если пострадавшие настаивали, конечно), старался запомнить лица тех, кого «разыскивает полиция». У него были на счету задержанные, включая настоящего убийцу – зарезавшего вначале любовника жены, что простительно; потом жену, что понятно; а потом бросившегося с ножом на соседа, который и сообщил ему о неверности супруги. Возмущенный такой неблагодарностью сосед заперся в квартире и позвонил в «ноль-два». Приехавший на вызов Пастухов задержал убийцу, бессильно колотящего в железную дверь хилыми, пусть и перемазанными в крови интеллигентскими кулачками, а потом долго боролся с жела-

нием вытащить на лестницу соседа-provokatora и начистить ему физиономию.

Так что Дима считал себя хорошим полицейским — и был не так уж далек от истины. На фоне некоторых коллег он выглядел прилежным, словно милиционер Свистулькин из старой книжки про Незнайку в Солнечном городе.

Единственное пятно в служебной биографии Димы относилось к январю девяносто восьмого года, когда он, совсем еще молодой и зеленый, патрулировал вместе с сержантом Каминским район ВДНХ. Каминский был вроде как наставником молодого милиционера (тогда еще они назывались милиционерами, или попросту «ментами», не было ни модного «полицейского», ни обидного «полицая») и этой своей ролью очень гордился. В основном его советы и наизидания сводились к тому, как и где можно легко подзаработать. Вот и в тот вечер, увидев спешащего из метро в переход молодого пьяненького мужика (даже в руке у него была початая чекушка дешевой водки), Каминский радостно присвистнул, и напарники двинулись наперехват. По всему было ясно, что пьяница сейчас расстанется с полтинником, а то и со стольником.

Но что-то не заладилось. Чертовщина какая-то началась. Пьяненький посмотрел на них неожиданно трезвым взглядом (трезвым-то трезвым, только во взгляде было что-то страшноватое, дикое, будто у давно разуверившейся в людях дворовой собаки) и посоветовал напарникам напиться

самим.

И они послушались. Пошли к ларькам (последние годы ельцинского бардака истекали, но водку еще продавали прямо на улице) и, хихикая как ненормальные, купили по бутылочке – такой же, как у пьяницы, подавшего дельный совет. Потом еще по одной. И еще.

Через три часа их, веселых и остроумных, забрал с улицы свой же патруль – и это спасло Пастухова и Каминского. Влетело им не по-детски, но из милиции все-таки не выперли. Каминский с тех пор совсем завязал и божился, что встречный пьяница был гипнотизером или даже экстрасенсом. Пастухов напраслину на мужика не возводил и пустых догадок не строил. Но запомнил его крепко.

Исключительно с той целью, чтобы не попадаться на пути.

То ли дурацкая и позорная пьянка так запомнилась, то ли в Пастухове прорезались неожиданные способности, но через какое-то время он стал замечать и других людей со странными глазами. Для себя Пастухов называл их «волками» и «псами».

У первых во взгляде было спокойное равнодушие хищника – не злобное, нет, волк задирает овцу без злобы, а скорее даже с любовью. Таких Пастухов просто сторонился, стараясь при этом не привлечь внимания.

У вторых, больше похожих на давнего молодого пьянчужку, был собачий взгляд. Иногда виноватый, иногда терпеливо-заботливый, иногда грустный. Пастухова смущало только

одно: собаки так смотрят не на хозяина, а в лучшем случае на хозяйского детеныша. Поэтому Пастухов сторонился и их тоже.

Довольно долго это ему удавалось.

Если дети – цветы жизни, то этот ребенок был цветущим кактусом.

Орать он начал, едва войдя в разошедшиеся двери «Шереметьево D». Красная от злости и стыда мать (очевидно, крик возобновлялся не в первый раз) тащила его за руку – но мальчишка, откинувшись назад, упирался обеими ногами и вопил:

– Не хочу! Не хочу! Не хочу лететь! Мамочка, не надо! Мамочка, не хочу! Мамочка, самолет упадет!

Мать отпустила руку – и мальчишка грохнулся на пол, где и остался сидеть: толстый, зареванный, некрасивый ребенок лет десяти, одетый чуть легче, чем следовало бы по московской июньской погоде, – явно полет предстоял в теплые края.

Метрах в двадцати от них сидящий за столиком кафе мужчина приподнялся, едва не опрокинув недопитую кружку пива. Несколько мгновений смотрел на мальчика и что-то втолковывающую ему мать. Потом сел и негромко сказал:

– Это ужасно. Это просто кошмар.

– Я тоже так считаю, – поддержала его молодая женщина, сидевшая напротив. Отставила чашку кофе и неприязненно посмотрела на мальчишку. – Я бы даже сказала – омерзи-

тельно.

– Ну, омерзительного я тут ничего не вижу, – мягко сказал мужчина. – Но что ужасно... это вне всяких сомнений...

– Лично я... – начала девушка, но умолкла, увидев, что мужчина ее не слушает.

Он достал телефон, набрал номер. Негромко сказал:

– Мне требуется первый уровень. Первый или второй. Нет, не шучу. Поищите...

Прервав связь, он посмотрел на девушку и кивнул:

– Извините, срочный звонок... Что вы говорили?

– Лично я – чайлд-фри, – сказала девушка с вызовом.

– Свободны от детей? Бесплодны, что ли?

Девушка замотала головой:

– Распространенное заблуждение! Мы, чайлд-фри, против детей, потому что они поработщают. Надо выбирать – либо ты свободная гордая личность, либо социальный придаток к механизму воспроизводства населения!

– А... – кивнул мужчина. – А я было подумал... проблемы со здоровьем. Хотел посоветовать хорошего врача... Ну а секс вы признаете?

Девушка заулыбалась:

– Ну разумеется! Что мы, асексуалы какие-то? Секс, супружеская жизнь – все это хорошо и нормально. Просто... связывать себя с этими орущими, бегающими...

– Гадящими, – подсказал мужчина. – Они ведь еще гадят непрерывно. И сами даже задницу подтереть не могут пона-

чалу.

– Гадящими! – согласилась девушка. – Именно так! Провести лучшие годы за обслуживанием нужд неразвитых человеческих особей... Надеюсь, вы не собираетесь читать мне мораль и убеждать, что я одумаюсь и заведу кучу ребятишек?

– Нет, не собираюсь. Я вам верю. Я абсолютно убежден, что вы доживете жизнь бездетной.

Мимо прошел мальчишка с матерью – то ли слегка успокоившийся, то ли, что вероятнее, просто смилившийся с тем, что полет состоится. Мать вполголоса выговаривала сыну – доносилось что-то про теплое море, про хороший отель и корриду.

– О Господи! – воскликнула девушка. – Они еще и в Испанию... похоже, мы одним рейсом. Вы представляете, три часа слышать истерические визги этого маленького жирдяя?

– Полагаю, что не три, – сказал мужчина. – Час десять, час пятнадцать...

На лице девушки появилось легкое презрение. Мужчина выглядел вполне успешным, как можно не знать при этом самых банальных вещей...

– До Барселоны самолет летит три часа.

– Три двадцать. Но допустим...

– А вы куда летите? – Девушка стремительно утрачивала к нему интерес.

– Никуда. Я провожал приятеля. Потом присел выпить

кружку пива.

Девушка поколебалась.

– Тамара. Меня зовут Тамара.

– Меня зовут Антон.

– У вас ведь наверняка нет детей, Антон? – спросила Тамара, все никак не желая расставаться с любимой темой.

– Ну почему же? Есть. Дочка. Наденька. Ровесница этого... жирдяя.

– То есть позволить супруге остаться здоровой и свободной женщиной вы не захотели? – усмехнулась Тамара. – Кто она у вас?

– Супруга?

– Ну не дочка же...

– По образованию – врач. А так... волшебница.

– Вот что я в вас, мужиках, не люблю, – вставая, произнесла Тамара, – так это пошлые красоты. «Волшебница»! А сами довольны небось, что она у плиты горбатится, пеленки стирает, ночей не спит...

– Доволен. Хотя пеленки сейчас никто не стирает, подгузники давно в ходу.

При слове «подгузник» лицо девушки перекосилось, будто ей предложили съесть пригоршню тараканов. Она подхватила сумку и не прощаясь пошла к стойке регистрации.

Мужчина пожал плечами. Взял телефон, поднес к уху – и тот немедленно зазвонил.

– Городецкий... Совсем? Нет, третий уровень никак. Пол-

ный чартер до Барселоны. Можно принять, что это второй... Нет?

Он помолчал. Потом сказал:

– Тогда мне одно седьмое. Нет, вру. У мальчишки дар предвидения второго-первого уровня. Темные упрутся ро-гом... Одно вмешательство пятого уровня – изменение судьбы одного человека и одного Иного... Хорошо, запишите на меня.

Он встал, оставив недопитый бокал на столе. Пошел к стойке регистрации, где рядом с матерью, замершей с каменным лицом в очереди, нервно переминался с ноги на ногу толстый мальчишка.

Мужчина прошел мимо контроля (почему-то его никто даже не попробовал остановить), приблизился к женщине. Вежливо кашлянул. Поймал ее взгляд. Кивнул.

– Ольга Юрьевна... Вы забыли выключить утюг, когда утром гладили Кеше шортики...

На лице женщины отразилась паника.

– Вы можете улететь вечерним чартером, – продолжал мужчина. – А сейчас вам лучше съездить домой.

Женщина дернула сына за руку – и рванулась к выходу. Мальчик, про которого она, похоже, напрочь забыла, широко раскрытыми глазами смотрел на мужчину.

– Хочешь спросить, кто я и почему твоя мама мне пове-рила? – спросил мужчина.

Глаза мальчика затуманились – будто посмотрели не то

внутри, не то куда-то далеко-далеко наружу, куда не стоит заглядывать воспитанным детям (впрочем, и невоспитанным взрослым туда смотреть без нужды не стоит).

– Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг, – сказал мальчик. – Вы отец Надьки. Вы... вы нас всех...

– Ну? – с живым интересом спросил мужчина. – Ну, ну?

– Кеша! – завопила внезапно вспомнившая о сыне женщина. Мальчик вздрогнул, туман в его глазах рассеялся. Он сказал:

– Только я не знаю, что все это значит... Спасибо!

– Я вас всех... – задумчиво сказал мужчина, наблюдая, как женщина с ребенком несется вдоль стеклянной стены аэропорта к стоянке такси. – Я вас всех люблю. Я вас всех убью. Я вас всех достал. Я вас всех... Как же я вас всех...

Он развернулся и неторопливо пошел к выходу. На входе в «зеленый коридор» остановился и посмотрел на очередь, выстроившуюся к стойке регистрации на Барселону.

Очередь была большая и шумная. Люди летели отдыхать к морю. В очереди было много детей, много женщин, много мужчин и даже одна девушка чайлд-фри.

– Спаси вас Бог, – сказал мужчина. – Я не могу.

Дима Пастухов как раз достал зажигалку, чтобы дать прикурить своему напарнику Бисату Искендерову. Своя зажигалка у того была – просто уж так у них повелось. Доставал сигарету Дима – за огоньком лез Бисат. Собирался закурить

азербайджанец – зажигалку подносил Дима. Если бы Пастухов был склонен к интеллигентской рефлексии, он мог бы сказать, что таким образом они демонстрируют друг другу взаимное уважение, несмотря на расхождение по очень многим взглядам – начиная от национальных проблем и кончая тем, какая машина круче – «Мерседес-ML» или «БМВ-ХЗ».

Но Дима к таким размышлениям склонен не был, ездили они с Бисатом на «фордах», немецкое пиво предпочитали русской водке и азербайджанскому коньяку, а относились друг к другу достаточно дружески. Так что Дима нажал на кнопку, извлекая крошечный язычок пламени, мимолетно глянул на выход из аэропорта – и выронил зажигалку, к которой уже тянулась сигарета приятеля.

Из дверей зала отлета выходил «пёс». Нестрашный, интеллигентного вида мужчина средних лет. К таким Пастухов привык, но это был не просто «пёс» – а тот самый... с ВД-НХ... из далекого-далекого прошлого... Сейчас он пьяным не выглядел, скорее – немного похмельным.

Пастухов отвернулся и стал медленно нашаривать на земле зажигалку. Мужчина с глазами сторожевого пса прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

– Пил вчера? – сочувственно спросил Бисат.

– Кто? – пробормотал Пастухов. – А... нет, просто зажигалка скользкая...

– У тебя руки трясутся, и ты белый весь стал, – заметил напарник.

Пастухов наконец-то дал ему прикурить, краем глаза проследил, что мужчина уходит к автостоянке, достал сигарету и закурил сам – не дожидаясь Бисата.

– Чёт ты странный... – сказал Бисат.

– Да, выпил вчера, – пробормотал Пастухов. Снова посмотрел на здание аэропорта.

Теперь оттуда выходил «волк». С уверенным хищным взглядом и твердой походкой. Пастухов отвернулся.

– Хаш надо есть поутру, – наставительно сказал Бисат. – Только правильный хаш, наш. Армянский – отрава!

– Да они у вас одинаковые, – привычно ответил Пастухов.

Бисат презрительно сплюнул и покачал головой:

– Только на вид, да. А по сути – совсем разные!

– По сути они, может, и разные, а на самом деле – одинаковые, – глядя вслед «волку», тоже прошедшему к стоянке, ответил Дима.

Бисат обиделся и замолчал.

Пастухов в несколько затяжек докурил сигарету и снова посмотрел на двери аэропорта.

Первая мысль была злой и даже обиженной: «Они что, ту-совку там сегодня устроили?»

А потом пришел страх.

Тот, кто вышел из раздвинувшихся дверей и теперь стоял, задумчиво озираясь, не был «псом», но не был и «волком». Это был кто-то другой. Третий.

Такой, кто ест волков на завтрак, а собак на обед. Остав-

ляя все вкусное на ужин.

«Тигр» – зачем-то классифицировал его Пастухов. И сказал:

– Живот прихватило... я в сортир.

– Иди, я покурю, – все еще обиженно ответил напарник.

Звать Бисата с собой в туалет было бы странно. Что-то объяснять или придумывать – не было времени. Пастухов повернулся и быстро пошел прочь, оставляя Искендерова на пути «тигра». «Да что он ему... пройдет мимо, и все...» – успокаивал он себя.

Обернулся Пастухов, только входя в зал отлета.

Как раз чтобы увидеть, как Бисат, небрежно козырнув, останавливает «тигра». Напарник, конечно, не различал их, не чувствовал – не было у него в прошлом такого происшествия, как у Пастухова. Но сейчас что-то ощутил даже он – тем полицейским чутьем, которое порой помогает выдернуть из толпы ничем не примечательного внешне человека со стволом в потайной кобуре или ножом в кармане.

Пастухов понял, что у него по-настоящему прихватило живот. И рванулся в безопасное, шумное, наполненное людьми и чемоданами нутро аэропорта.

Поскольку он был хорошим полицаем, то ему было очень стыдно. Но еще более ему было страшно.

Глава первая

– По утреннему происшествию ситуацию доложит Городецкий, – не отрывая взгляда от бумаг, сказал Гесер.

Я встал. Поймал сочувственный взгляд Семена. Начал:

– Два часа назад я провожал на рейс в Нью-Йорк господина Уорнса. После того как наш коллега прошел регистрацию и стал покупать водку в дьюти-фри...

– Вы что, прошли с ним за паспортный контроль, Городецкий? – осведомился Гесер, не поднимая глаз.

– Ну да.

– Зачем?

– Убедиться, что с ним все в порядке. – Я откашлялся. – Ну и купить кое-что себе в дьюти-фри...

– Что именно?

– Пару бутылок виски.

– Какого... – Гесер оторвал взгляд от стола.

– Шотландского. Односолодового. «Гленливет» двенадцатилетний и «Гленморанж» восемнадцатилетний... но это на подарок, я лично считаю, что пить восемнадцатилетний вискарь – пижонство...

– Какого хрена! – рявкнул Гесер. – Что за... мелкие корыстные акции...

– Вы извините, Борис Игнатьевич, – сказал я. – Но господин Уорнс пьет как лошадь. И предпочитает не «Белую ло-

шадь», а приличные сингл молты. У меня бар опустел. А завтра приедет еще какой-нибудь гость – и вы мне поручите его принимать. А моя зарплата не позволяет покупать алкоголь в «Азбуке вкуса».

– Дальше, – ледяным голосом сказал Гесер.

– Дальше я сел в баре выпить кружку пива.

– Вы давно пьете пиво по утрам, Городецкий?

– Четвертый день. С момента приезда Уорнса.

Семен хихикнул. Гесер привстал и оглядел всех сидящих за столом – десять Иных не ниже третьего уровня, или, как говорили ветераны, «ранга».

– Особенности приема гостей мы обсудим позже. Итак, вы похмелялись пивком. Что дальше?

– Вошла женщина с ребенком. Толстый мальчишка лет десяти, вопил не переставая. Просил мать не лететь, говорил, что самолет разобьется. Ну... разумеется, я просканировал ауру. Мальчишка оказался неиницированным Иным высокого уровня, первого-второго как минимум. Судя по всему – предсказатель. Возможно, даже пророк.

В зале слегка зашевелились.

– Откуда такие смелые выводы? – спросил Гесер.

– Цвет. Интенсивность. Мерцание... – Я напрягся, посылая в пространство то, что видел. Все сидящие устали в пустую точку над столом. Разумеется, никакого реального изображения я не создавал, но сознание всегда услужливо подыщет для картинki какую-нибудь точку в воздухе.

– Допустим, – кивнул Гесер. – Но все-таки пророк...

– Предсказатель, как правило, лишен возможности увидеть собственное будущее. А мальчик испугался своей смерти. Это уже довод в пользу пророка... – негромко сказала Ольга.

Гесер неохотно кивнул.

– Я узнал, есть ли у нас право на вмешательство первого-второго уровня – спасти весь самолет. Такого права, увы, не было. Тогда я взял право на пятый уровень и снял с рейса мальчика и его мать.

– Разумно. – Гесер вроде бы чуть успокоился. – Разумно. Мальчик на контроле?

Я пожал плечами. Семен деликатно кашлянул и вставил:

– Работаем, Борис Игнатьевич.

Гесер кивнул и снова посмотрел на меня:

– Что-то еще?

Я поколебался.

– Он сделал еще одно предсказание. Мне лично.

– Иному Высшего уровня? – уточнил зачем-то Гесер.

– Пророк! – почти весело произнесла Ольга. – И впрямь пророк!

Я кивнул.

– Можешь его озвучить, Антон? – уже совершенно мирно и дружелюбно спросил Гесер.

– Легко. «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы... вы нас... вы нас всех...»

– Что дальше?

– А дальше его прервали.

Гесер что-то проворчал и стал постукивать пальцами по столу. Я ждал. И все остальные тоже ждали.

– Антон, я не хотел бы показаться невежливым... но вы уверены, что решили выпить пива по собственной воле?

Я растерялся. Даже не обиделся – а растерялся. Спросить Иного, не попал ли он под чье-то внушение, – довольно серьезное дело. Словно... ну, словно для одного человека поинтересоваться успешностью интимной жизни другого. Между близкими друзьями, конечно, подобный вопрос возможен. Но между начальником и подчиненным... да еще и в присутствии других сотрудников... Нет, ну если неопытный Иной совершает какой-то неадекватный поступок... тут вопрос «Ты своей головой думал?» уместен. Но и то как риторический. А уж обратиться с таким вопросом к Высшему Иному...

– Борис Игнатьевич, – сказал я, с ожесточением сдирая с себя все слои ментальной защиты. – Наверное, я чем-то дал основания вашим словам. Не пойму, правда, чем именно. На мой взгляд – да, я действовал исключительно по собственной воле. Но если вы сомневаетесь, то просканируйте меня, я не против.

Конечно же, это тоже была риторическая фраза. Абсолютно. Так человек, оказавшийся под каким-нибудь нелепым подозрением – к примеру, что он, будучи в гостях, украл со

стола серебряные ложечки, – предлагает проверить его карманы...

– Спасибо, Антон, я воспользуюсь твоим предложением, – ответил Гесер вставая.

В следующее мгновение я отключился.

А потом открыл глаза.

В промежутке, конечно, было какое-то время – минут пять, десять. Вот только я его не запомнил. Я лежал на диванчике, который стоит в кабинете Гесера и который все иронично называют «плацдарм для мозгового штурма». Мою голову придерживала Ольга – и она была очень, очень зла. Напротив меня сидел на стуле Гесер – и он был очень, очень смущен. Больше никого в кабинете не было.

– Ну и как... тварь ли я дрожащая, или право имею? – спросил я.

– Антон, я нижайше приношу свои извинения, – сказал Гесер.

– Перед присутствующими он уже извинился, – добавила Ольга. – Антон, прости старого дурака.

Я сел и потерял виски. Голова не то чтобы болела – казалась удивительно пустой и звенела.

– Кто я? Где я? Кто вы такие, я вас не знаю! – пробормотал я.

– Антон, я прошу принять мои извинения... – повторил Гесер.

– Шеф, с чего вы взяли, что я под влиянием? – спросил я.

– Тебе не кажется странным, что, проводив гостя, ты внезапно присел выпить пива в дрянной и дорогой кафешке, хотя знал, что тебе предстоит садиться за руль?

– Кажется. Но так уж тот день сложился.

– А что именно в этот момент, когда ты внезапно решил задержаться в аэропорту, у тебя на глазах устроил истерику мальчик-предсказатель?

– Жизнь вся состоит из совпадений, – философски сказал я.

– Ну а то, что самолет благополучно долетел до Барселоны?

Вот тут он меня уел.

– Как – долетел?

– Обычно. Шумя моторами и покачивая крыльями. Долетел, выгрузил людей и час назад вылетел обратно.

Я помотал головой.

– Борис Игнатьевич... Я, конечно, не предсказатель. Но уж когда прицельно начинаю проверять вероятность того или иного события... Мальчик завопил о катастрофе. Яглянул его ауру – Иной, неинициированный, в спонтанном выплеске Силы. Я начал проглядывать линии реальности – самолет падал. С вероятностью в девяносто восемь процентов. Может... ну, нет же абсолютно точных предсказаний... Выплыли те два процента?

– Допустим. А как еще можешь интерпретировать произошедшее?

– Провокация, – неохотно сказал я. – Мальчика накачали Силой, повесили фальшивую ауру. Прием известный, вы сами... Хм... Ну, потом мальчишка истерит, я слышу его вопли, начинаю просчитывать вероятности... допустим, они тоже искажены.

– Какова цель? – спросил Гесер.

– Заставить нас истратить право на вмешательство первого уровня впустую. Самолет и не думал падать, пацан интереса не представляет. А мы как идиоты выстрелили впустую.

Гесер назидательно поднял палец.

– Но у нас все равно не было права на вмешательство!

– Было, – буркнул Гесер. – Было и есть. Но зарезервировано за мной лично. Если бы ты обратился ко мне напрямую... я бы разрешил вмешаться.

– Во как... – сказал я. – Ну тогда... тогда и впрямь похоже. А что пацан?

– Пророк... – неохотно сказал Гесер. – Большой силы. И на тебе никаких следов воздействия. Так что ты прав, пожалуй.

– Но самолет не упал, – негромко сказала Ольга.

Мы замолчали.

– У пророков не бывает ошибок. Мальчик – пророк, поскольку выдавал предсказания о своей судьбе и о судьбе Высшего Иного. Но самолет не упал. Ты в события не вмешивался... – негромко произнес Гесер.

И тут до меня дошло.

– А вы ведь проверяли не то, под влиянием я был или нет, – сказал я. – Вы проверяли, не спас ли я самолет без разрешения.

– И это тоже. – Гесер даже не смутился. – Но озвучивать такую причину при коллегах не хотел.

– Спасибо огромное. – Я поднялся и пошел к двери. Гесер дождался, пока я открою дверь, и только после этого сказал:

– Должен сказать, Антон, я очень рад за тебя. Рад и горд.

– Чему же именно?

– Тому, что ты не стал вмешиваться без разрешения. И даже не придумывал никаких человеческих глупостей вроде телефонных звонков о бомбе в самолете...

Я вышел и закрыл за собой дверь.

Мне хотелось заорать или стукнуть кулаком по стене.

Но я держался. Я был невозмутим и холоден.

Я ведь действительно не придумывал «никаких человеческих глупостей»! Мне это даже в голову не пришло. Я убедился, что у нас нет законной возможности спасти двести человек, – и спасал одного Иного и его мать.

Уроки пошли мне на пользу. Я вел себя как правильный Высший Иной.

И от этого на душе было мерзко.

– Антон!

Обернувшись, я увидел поспешно догонявшего меня Семена. Выглядел тот слегка смущенным, как старый друг, ставший невольным свидетелем неловкой и некрасивой сце-

ны. Но мы были дружны достаточно долго и крепко, чтобы Семену не пришлось изображать, будто он задержался случайно.

– Думал, дольше ждать придется, – пояснил Семен. – Ну учудил шеф, учудил...

– Он прав... – неохотно признал я. – Ситуация и впрямь сложилась странная.

– Мне поручили поговорить с мальчишкой, инициировать, обосновать родителям его занятия в нашей школе... в общем – стандартная процедура. Хочешь, поедем?

– А что, уже нашли? – заинтересовался я. – Я только имена считал, дальше возиться не стал...

– Конечно, нашли! Двадцать первый век на дворе, Антоха! Позвонили в наш информационный центр, задали вопрос – кто не явился на рейс такой-то в Барселону. Через минуту Толик перезвонил, выдали имена и адреса. Иннокентий Григорьевич Толков, десять с половиной лет. Живет с мамой... ну, ты же знаешь, что в неполных семьях Иные встречаются статистически чаще.

– Социальная депривация способствует... – буркнул я.

– А я слышал версию, что папаши подсознательно чувствуют, что ребенок – Иной, и уходят из семьи, – сказал Семен. – Боятся, короче... Живут Толковы рядом, на «Водном стадионе»... смотримся?

– Нет, Семен, не поеду, – покачал я головой. – Ты и сам прекрасно справишься.

Семен вопросительно смотрел на меня.

– Да все в порядке! – твердо сказал я. – Не бойся, я не бьюсь в истерику, не ухожу в запой и не вынашиваю планов покинуть Дозор. Я в аэропорт съезжу, поброжу там. Как-то все неправильно, понимаешь? Мальчик-пророк изрек туманные пророчества, самолет, который должен был упасть, не разбился... все не так!

– Гесер уже послал в Шереметьево инспекцию, – сообщил Семен.

Какой-то у него был голос ехидный...

– Кого он послал?

– Ласа.

– Понятно, – кивнул я, останавливаясь у лифтов и нажимая вызов. – То есть ничего интересного Гесер не ждет.

Лас был нетипичным Иным. Начать с того, что никаких способностей Иного у него не было и не должно было появиться. Но несколько лет назад его угораздило попасть под заклинание древней магической книги «Фуаран». Вампир Костя, бывший когда-то моим соседом и даже приятелем, продемонстрировал на Ласе, что с помощью книги способен превращать людей в Иных...

Самым странным я считал даже не то, что Лас превратился в Иного, а то, что он превратился в Светлого Иного. Злодеем он не был, но вот чувство юмора имел специфическое... да и его взгляды на жизнь соответствовали скорее Темному. Работа в Ночном Дозоре, к которой он относился,

похоже, как к очередной шутке, его особо не изменила.

Но Иным он был слабым. Седьмого, самого начального уровня, с неопределенными перспективами дорасти до пятого-шестого (впрочем, Лас к этому не рвался).

– А вот не скажи, – не согласился со мной Семен. – Гесер не ждет ничего интересного в магическом плане. Ты ведь там был, ничего не заметил. Ты и сам Высший...

Я поморщился.

– Высший, Высший, – дружелюбно сказал Семен. – Опыта у тебя мало, но способности-то есть. Так что копать в этом направлении бесполезно. А вот Лас – он по-другому на ситуацию посмотрит. Практически с точки зрения человека. Голова у него работает довольно парадоксально... вдруг что-то заметит?

– Тогда точно нам следует съездить вдвоем, – сказал я. – А ты дерзай, иницируй пророка.

– Восстань, и виждь, и внимли... – Семен первым вошел в наконец-то появившийся лифт, вздохнул: – Ох, не люблю я пророков и предсказателей! Как ляпнут что-нибудь в твой адрес – и ходишь потом как дурак, размышляешь, что же имелось в виду. Порой таких страхов себе напридумываешь, а на деле полная ерунда, тьфу, внимания не стоит!

– Спасибо, – сказал я Семену. – Да не беспокойся ты... я спокойно к этому отношусь. Подумаешь, пророк!

– Помню, был у нас в Петрограде один предсказатель, – с готовностью подхватил Семен. – И вот в году одна тыща

девятьсот шестнадцатом, под Новый год, спрашиваем его о перспективах. А он нам и выдает...

Ласа я успел перехватить во дворе, он как раз садился в свою чисто вымытую «мазду». При моем появлении он откровенно обрадовался.

– Антон, а ты не сильно занят?

– Ну...

– Не смотаешься со мной в «Шарик»? Борис Игнатьевич велел по твоим следам пройти, странности всякие поискать. Может, присоединишься?

– Что с тобой поделать, – вздохнул я, забираясь на правое сиденье. – Съезжу. Будешь должен, сам понимаешь.

– О чем речь, – обрадовался Лас, заводя машину. – А то у меня со временем плохо, и так сегодня планы пришлось менять.

– Что за планы? – спросил я, пока мы выезжали со стоянки.

– Да это... – Лас слегка смутился. – Я сегодня креститься собирался.

– Чего? – Мне показалось, что я ослышался.

– Креститься, – повторил Лас, глядя на дорогу. – Ничего? Нам ведь можно креститься?

– Кому «нам»? – уточнил я на всякий случай.

– Иным!

– Можно, конечно, – ответил я. – Это как бы... дела ду-

ховные. Магия магией, а вера...

Ласа будто прорвало:

– Вот и я подумал – черт его знает, как *там* посмотрят на то, что магией занимаюсь... я вообще-то агностик всегда был, ну точнее – экуменист широкого профиля, а тут как-то подумал... лучше уж креститься, для гарантии.

– В «Симпсонах» один персонаж был, так он на всякий случай еще соблюдал день субботний и совершал намаз, – не удержался я.

– Не кощунствуй, – сказал Лас строго. – Я же серьезно... Церковь вот специально нашел в Подмосковье. В Москве, говорят, все попы коррумпированные. А в провинции – ближе к Богу. Вчера созвонился, поговорил... ну, меня там знакомые порекомендовали... сегодня обещали покрестить, а тут Гесер задание выдал...

– Как-то быстро ты, – усомнился я. – Ты вообще готов к таинству крещения?

– Конечно, – усмехнулся Лас. – Крестик купил, Библию на всякий случай, пару иконок...

– Подожди-подожди, – заинтересовался я. Мы как раз выскочили на Ленинградку и понеслись к аэропорту. Лас привычно наложил на машину чары «эскорт», и нам начали то-ропливо уступать дорогу. Уж не знаю, кто из водителей что видел – кто «скорую помощь», кто полицию с включенной сиреной, кто правительственный эскорт, увешанный мигалками, как дурень мобильниками, но дорогу нам освобожда-

ли резво. – А символ веры ты выучил?

– Какой символ веры? – удивился Лас.

– Никео-Царьградский!

– А надо? – заволновался Лас.

– Ладно, священник подскажет, – развеселился я. – Рубашку крестильную купил?

– Зачем?

– Ну, когда из купели вылезешь...

– В купель только младенцев окунают, я же в нее не залезу! На взрослых брызгают!

– Дубина, – с чувством сказал я. – Есть специальные купели, для взрослых. Называются баптистерии.

– Это у баптистов?

– Это у всех.

Лас задумался, благо вождение автомобиля под прикрытием «эскорта» позволяло не особо напрягаться.

– А если там бабы будут?

– Они тебе теперь не бабы, а сестры во Христе!

– Ну ты врешь! – возмутился Лас. – Хватит уже, Антон!

Я достал мобильник, подумал секунду и спросил:

– Кому из наших ты веришь?

– В духовном плане? – уточнил Лас. – Ну... Семену поверю...

– Годится, – кивнул я, набрал номер и включил громкую связь.

– Да, Антон? – отозвался Семен.

– Слушай, ты крещеный?

– Ну как в моем возрасте русский человек может быть некрещеным? – ответил Семен. – Я ж при царе родился...

– А сейчас вере православной близок?

– Ну... – Семен явно смутился. – В церковь хожу. Иногда.

– Скажи, взрослых как крестят?

– Если по-нормальному, то как детей. Разделся – и в воду с головой три раза.

– Спасибо. – Я прервал связь. – Понял? Фома... готовящийся к таинству...

– Что еще там будет? – спросил Лас.

– Становишься лицом на запад, трижды плюешь и говоришь: «Отрекаюсь от Сатаны!»

Лас расхохотался.

– Ну, Антон... Хорош гнать! С крещением согласен, это я погорячился! Правильный некорруптированный поп не будет воду экономить. А вот стать на запад лицом... плюнуть...

Я снова набрал Семена.

– Да? – с любопытством отозвался тот.

– Еще вопрос. Как происходит обряд отречения от Сатаны при крещении?

– Становишься лицом на запад. Батюшка спрашивает, отрекаешься ли ты от Сатаны и от дел его. Трижды вслух отречаешься, плюешь в сторону запада...

– Спасибо. – Я снова прервал связь.

Лас молчал, вцепившись в руль и глядя перед собой. Мы

уже проехали МКАД.

– А еще какие сложные моменты будут? – почти робко спросил он.

– Окунулся, отрекся. – Я начал загибать пальцы. – И третий шаг... ты учти, в церкви все троично, потому что Бог триедин. Третий шаг – выходишь из купели и обегаешь вокруг церкви трижды, строго противосолонь...

– Голым? – ужаснулся Лас. – Без штанов?

– Конечно. Аки Адам ветхозаветный, безгрешный до вкушения плодов с древа познания!

Фраза родилась спонтанно, но звучала очень убедительно.

– Ну... если надо... – тихо сказал Лас.

– Ты б зашел в любую церковь, – посоветовал я. – Даже в коррумпированную. И книжечку купил с пояснениями.

– Мне неудобно в церковь заходить, – признался Лас. – Мало того что некрещеный, так еще и волшебник!.. Блин, может, отложить крещение? Раз надо голым вокруг церкви бегать... в фитнес похожу, подкачаюсь...

– Ладно, насчет бега вокруг церкви – это неправда, – сожалелся я. – Но я бы все-таки советовал тебе отнестись к вопросу серьезнее.

– Как все сложно... – вздохнул Лас, выруливая к терминалу. – Нам в «D»?

– Да, в новый, – подтвердил я.

– Что ж, попробуем с Божьей помощью! – сказал Лас.

Я понял, что пыл неопита в нем не угас.

Глава вторая

В аэропорту мы с Ласом разделились. Он отправился общаться с людьми – его способностей вполне хватало, чтобы ему выкладывали всё начистоту. В первую очередь Ласу предстояло пообщаться с техниками, готовившими злополучный (или правильнее будет сказать – счастливый?) «боинг» к полету, потом с диспетчерами и, если получится, с экипажем. А я отправился к дежурившим в аэропорту Иным.

Как и положено, двое их было – Темный и Светлый. Нашего я, конечно, знал – Андрей, молодой парень, пятый уровень, в офисе появлялся редко, постоянно работал в аэропорту. Темного видел несколько раз, когда самому приходилось куда-то улетать или возвращаться.

Конечно, они уже были в курсе случившегося. И Андрей, и пожилой Темный по имени Аркадий с удовольствием обсудили со мной историю с самолетом – вот только ничего полезного они не знали и сказать не могли. У Темных мальчик уже получил ироническое прозвище «Мальчик, который не полетел», вот, пожалуй, и все ценное, что я узнал. А еще заметил, что отношения Андрея и Аркадия вполне дружеские, и мысленно отметил: рекомендовать более частую смену дежурных. В принципе ничего запрещенного в дружеских отношениях между Иными нет. Бывают такие случаи... я сам дружил с семьей вампиров, а в Питере даже есть уникаль-

ная семья Светлого волшебника и Темной прорицательницы, правда, не работающих в питерских Дозорах... Но в случае с молодым Светлым и опытным Темным возникал риск нежелательного влияния.

Лучше перестраховаться.

С этой мыслью я еще побродил по аэропорту, обнаружил стоящего в очереди на регистрацию вампира, от скуки проверил у него регистрационную печать – все было в порядке. Подмывало снова выпить пива, но это уже было бы чересчур. С другой стороны... за руль мне сейчас не надо... я поймал себя на том, что толкусь все ближе и ближе к бару.

К счастью, появился Лас – бодрый и веселый. Я облегченно отвернулся от ресторанчика и помахал Ласу рукой.

– Девяносто четыре процента! – радостно сообщил он мне.

Я вопросительно приподнял бровь – ну, во всяком случае, попытался изобразить именно это.

– Меня давно занимал вопрос, сколько людей ковыряют пальцем в носу, когда уверены, что их никто не видит. Так вот, я опросил ровно сто человек – из них девяносто четыре сознались!

На секунду мне показалось, что Лас сошел с ума.

– И ты спрашивал людей об этом вместо поиска чего-то странного?

– Почему «вместо»? – обиделся Лас. – Вместе! Сам подумай, как минимальным магическим воздействием заста-

вить людей вначале говорить правду, а потом покрепче забыть о расспросах? Я представился социологом, который с разрешения руководства проводит опрос. Спрашивал о всяких наблюдаемых странностях, о том, как они провели сегодняшнее утро... в общем, все, что положено. Все это под действием «Платона». А в конце задавал вопрос про ковыряние в носу. Сам понимаешь, человек, который сознался, пусть даже в анонимном опросе, что наедине сам с собой выковыривает пальцем козюли из носа, постарается побыстрее забыть всю историю. И для дела полезно, и я получил ответ на вопрос!

– Зачем тебе этот ответ? – спросил я. – Люди наедине сами с собой часто совершают... ну... не самые красивые поступки. Поковырять пальцем в носу – мелочь в общем-то.

– Конечно, – согласился Лас. – Так это ведь и показательно! Подавляющее большинство людей будет насмерть стоять за такую ерундовую ложь. Отрицать не то, что заглядываются на незрелых нимфеток, не платят налоги или подсиживают коллег на работе, – а банальную, никому вреда не приносящую, смешную вещь – ковыряние пальцем в носу! Это многое говорит о людях.

– Следующий раз спроси про ковыряние пальцем в другом месте, – мрачно ответил я. – Что по делу?

Лас пожал плечами.

– Самолет был нормальный. Проверяли его как положено, никаких нареканий... кстати, а ты знал, что самолеты можно

выпускать в полет, когда у них часть аппаратуры не работает? Так вот, у этого никаких нареканий не было. И самолет новенький, три года назад сделан, не какая-нибудь рухлядь после китайцев.

– То есть упасть он не должен был? – уточнил я.

– Все в руке Божьей, – пожал плечами Лас и блеснул знанием Библии: – И птица с неба не упадет без воли Господа! Тем более – самолет. Ну... он и не упал.

– Но ведь мальчик пророчил... – сказал я. – И линии вероятности указывали на неминуемую катастрофу... Хорошо. Самолет был исправный, экипаж опытный. Хоть какие-то странности были?

– Касательно самолета – или вообще? – уточнил Лас.

– Вообще.

– Ну... один полицейский местный поутру обосрался.

– Что?

– До туалета не добежал. Наложил в штаны. Ему в дежурке старую форму нашли, он в душе отмылся...

– Лас, да что тебя так тянет на всякую брутальность? – возмутился я. – Если даже с работником полиции случился приступ дизентерии, это не повод для обсуждения... и уж тем более – иронии! Ты же Светлый! Светлый Иной!

– Так я обоим полицейским сочувствую, – небрежно обронил Лас.

У меня что-то екнуло в груди.

– Обоим? Беляшей в местном кафе поели?

– Да нет, у второго с пищеварением все в порядке, – успокоил Лас. – Второй с ума сошел.

Я ждал. Было понятно, что Лас ждет уточняющих вопросов и что информацию он излагает дозированно вполне сознательно – для пущего драматизма.

– Тебе неинтересно? – спросил Лас.

– Докладывай по форме, – попросил я.

Лас вздохнул и почесал затылок.

– Да в общем-то ничего особенного. Но как-то выбивается из рутины повседневной жизни. Утром, примерно в то время, как ты из аэропорта уехал, случилась неприятность с нарядом патрульно-постовой службы. Один полицейский, Дмитрий Пастухов, пошел в сортир, но не добежал. А второй... второй чуть позже зашел в дежурную часть, положил на стол кобуру, документы, рацию. Сказал, что утратил интерес к работе в органах охраны порядка, и ушел. Начальство пока даже сообщать никуда не стало. Надеется, что одумается и вернется.

– Поехали, – сказал я.

– К кому первому?

– К тому, что не добежал.

– А к нему ехать не надо. Я же говорю – он помылся, переоделся и вернулся на рабочее место.

С первого взгляда никак нельзя было сказать, что сегодня утром полицейский Дмитрий Пастухов попал в столь деликатную и, чего уж греха таить, постыдную ситуацию. Разве

что форменные брюки, если повнимательнее присмотреться, были ему чуть великоваты, да и тоном чуть отличались от кителя.

Зато выглядел он просто великолепно. Одухотворенно, можно сказать. Как сказочный милиционер, задержавший бандита на месте преступления и получающий из рук генерала наручные часы с гравировкой «За отвагу при исполнении служебного долга». Как летчик-испытатель, дотянувший-таки самолет с отказавшим мотором до аэродрома – и ощутивший, как колеса мягко коснулись земли. Как прохожий, что смотрит на рухнувшую за его спиной, там, где он только что прошел, гигантскую сосульку и с нелепой улыбкой достающий из пачки сигарету...

Как человек, переживший смертельную опасность, уже осознавший, что остался жив, но еще не до конца понявший – зачем.

Дмитрий Пастухов прогуливался перед входом в аэропорт, не по-уставному заложив руки за спину и как-то очень добродушно и дружелюбно поглядывая вокруг.

Но по мере того как мы с Ласом подходили к нему, на лице полицейского проступало совсем другое выражение.

Как у милиционера, которому улыбающийся генерал говорит: «Молодец... молодец... знал же, наверное, чьего племянника арестовываешь, – и не испугался? Герой...»

Как у летчика, в чьем самолете, уже катящемся по бетонке, свирепым жадным пламенем вспыхивает топливный бак.

Как прохожий, что, разминая сигарету и не отрывая взгляда от расколовшейся сосульки, вдруг слышит над головой «Берегись!!!»

Он меня боялся.

Он знал, кто я такой. Ну, может, не точно... но представляться проверяющим, журналистом или санитарным врачом смысла не имело.

Он знал, что я не человек.

– Лас, подожди здесь, – попросил я. – Лучше я сам...

Пастухов ждал, не пытаясь уйти или сделать вид, что не замечает моего приближения. К оружию, чего я слегка опасался (не хотелось начинать разговор так энергично), он не тянулся. А когда я остановился в двух шагах, глубоко вздохнул, неловко улыбнулся и спросил:

– Разрешите закурить?

– Что? – Я растерялся. – Конечно...

Пастухов достал сигареты, жадно закурил. Потом сказал:

– Большая просьба... не надо больше заставлять напиваться. Меня из органов попрут! У нас сейчас очередная кампания, даже за появление на работе с похмелья выгоняют...

Несколько секунд я смотрел на него. А потом что-то сложилось в голове, и я увидел серую московскую зиму, грязный снег на обочине проспекта Мира, бесчисленные ларьки у метро «ВДНХ», двух подходящих ко мне милиционеров – один постарше, другой совсем молодой парень...

– Извините, – сказал я. – Вам тогда сильно досталось?

Полицейский неопределенно пожал плечами. Потом сказал:

– А вы совсем не изменились. Тринадцать лет прошло... а даже не постарели.

– Мы медленно стареем, – сказал я.

– Угу, – кивнул Пастухов и выбросил сигарету. – Я не дурак. Я все понимаю. Так что... говорите сразу, что вам нужно. Или делайте, что вам нужно.

Он меня боялся. Ну а кто бы не испугался человека, который одним словом может заставить вас делать все, что угодно?

Я опустил глаза, ловя свою тень. Шагнул в нее – и оказался в Сумраке. В этом не было особой нужды, но все-таки из Сумрака аура сканируется тщательнее.

Полицейский был человеком. Ни малейших признаков Иного. Человек, и не самый плохой.

– Расскажите, что произошло сегодня утром? – спросил я, возвращаясь в обычный мир. Пастухов мигнул – наверное, ощутил дыхание Сумрака. Заметить мое исчезновение на такое короткое время он никак не мог.

– Мы с Бисатом здесь стояли, – сказал он. – Так... трепались. День сегодня был хороший. – По интонации было понятно, что сейчас он уже так не считает. – Тут вы прошли...

– Вы меня узнали, Дмитрий? – спросил я. Накладывать заклинание правды не было никакого смысла – он говорил

честно.

– Ну, вначале просто понял, что вы из этих... – Полицейский неопределенно повел рукой. – А потом узнал, да...

– Как поняли?

Пастухов посмотрел на меня с удивлением.

– Ну... я таких, как вы, сразу узнаю...

– Как?

До полицейского дошло.

– А что, это редкость? – спросил он, явно о чем-то размышляя.

– Не то чтобы редкость. – Я решил ничего не скрывать. – Но обычно нас видят такие же Иные, как и мы. Узнают по ауре.

– Аура – это вроде свечение такое вокруг головы, да? – наморщил лоб Пастухов. – Я думал, его психи всякие видят. И жулики.

– Не только вокруг головы, не только психи и жулики. А что видите вы?

– Да я по глазам вас узнаю! Вот с тех пор, как с вами встретился первый раз... – резко сказал Пастухов. – У вас глаза... как у сторожевого пса.

Если бы я только что не сканировал его ауру, то уверился бы, что передо мной какой-то странный слабый Иной, который воспринимает чужие ауры очень своеобразно. В конце концов, аура действительно сильнее вокруг головы, а на лице сильнее всего излучают свечение глаза. Может, он так и

считывает Иных?

Ну нет же, он не Иной, он человек...

– Любопытно, – признался я. – Значит, как у пса?

– Без обид, – пожал плечами Пастухов. Он потихоньку приходил в себя.

– Да какие уж тут обиды. Я собак люблю.

– А еще есть те, у кого глаза как у волка, – сказал Пастухов.

Я кивнул. Понятно. Значит, так он видит Темных.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Утром вы прошли мимо, – сказал Пастухов. – Ну... я напрягся, конечно. Почему-то думал, дурак, что вы меня тоже запомнили, как и я вас. С чего бы, на самом-то деле? Вы, наверное, такие фокусы с людьми каждый день проделываете.

– Нет, – сказал я. – Нельзя. Тогда ситуация была критическая. Ну и я сам... был очень молод и неопытен. Что придумал, то и сделал... Вы продолжайте.

Пастухов вытер пот со лба. Пожал плечами.

– Потом «волк» один прошел... ну... обычное дело. В аэропорту я каждый день ваших вижу. А потом вышел еще один... тут меня страх и пробрал.

– Тоже «волк»? – уточнил я.

– Нет... – Пастухов замялся, затоптался на месте. – Никогда таких не встречал. Я его «тигром» про себя назвал. У него такой взгляд... будто он кого хочет, того и сожрет, прямо на месте... И я... я почему-то подумал, что он меня вы-

числит. Поймет, что я его вижу. И убьет тут же. Да что я говорю, я не подумал, я и сейчас так думаю! Он бы меня убил. В ту же секунду. Я и решил отойти. Сказал напарнику, что живот схватило, и в туалет. Бисату-то что сделается? Он же ваших не видит! Но я когда отходил, то смотрю – Бисат этого... «тигра»... останавливает!

– Ты можешь его описать, «тигра»?

Пастухов помотал головой.

– Я только издалека его видел. Мужчина, средних лет, среднего роста, волосы темные...

– Очень не люблю людей с такими приметами, – поморщился я. – Как же ты взгляд его разглядел на расстоянии?

– А я взгляд на любом расстоянии вижу, – серьезно ответил Пастухов. – Сам не знаю почему.

– Национальность?

Дмитрий задумался.

– Обычная, наверное. Уроженец европейской части.

– То есть не кавказец, не азиат, не скандинав...

– Даже не негр.

– Еще что-нибудь?

Пастухов закрыл глаза и нахмурился. Он искренне старался.

– Багажа у него не было. Когда он стоял рядом с Бисатом, я заметил – у него руки пустые. Вряд ли прилетел так, правда?

– Спасибо, это интересно, – сказал я. Конечно, на самом деле багаж мог быть и невидим. Я как-то сам протащил в

самолет невидимый чемодан, чтобы не платить за перегрузку...

Полицейский вздохнул и сказал:

– Наверное, надо было вернуться. Только у меня и впрямь живот свело так, что боялся до туалета не добежать... – Он осекся, потом продолжил: – Я и не добежал. Да вы уже знаете, наверное.

– Знаю, – кивнул я.

– Навалил в штаны, – обреченно сказал Пастухов. – Нет, если бы расстройство какое, дизентерия – так с кем не бывает? А тут... на ровном месте... Пока почистился как смог, пока в дежурку зашел... взял там со старой формы на подмену штаны... Дежурный ржет, понятно, к вечеру все знать будут... Вернулся на пост.

– И?.. – Это интересовало меня куда больше, чем проблемы со здоровьем и реноме Пастухова.

– Да вроде ничего. Бисат стоит, улыбается. Я его спросил, что было с тем, кого он остановил. Бисат рукой махнул, говорит: «Все в порядке, никакого смысла не было его задерживать». Ну, думаю, пронесло... А тут Бисат вдруг снимает китель, погоны так аккуратненько с него сдирает! Бляху сдирает! Документы достает. Пистолет, рацию, спецсредства... И все вручает мне! Я спрашиваю, что с ним. А он отвечает: «Это все смысла не имеет, нет никакой надобности в моей работе». И к электричке! Я ему кричу вслед, а он рукой машет – и вперед! Сейчас, наверное, уже дома.

– Я слышал, что он сам зашел в дежурную часть, – заметил я.

– Роман небось сказал? – уточнил Пастухов. – Это я его так попросил, когда вещи отнес. Все-таки одно дело, когда человек прямо на улице все бросил, другое – когда в дежурку сдал. Может, одумается, вернется? Ему и так неприятностей светит по полной... хотя, наверное, через дурку пропустят и уволят по состоянию здоровья...

– Ты сам-то веришь, что он вернется? – спросил я.

Пастухов замотал головой:

– Нет. Не верю. Это «тигр». Это он что-то такое с ним сделал. Может, велел так... как вы мне напиться тогда приказали... А может, что-то другое. Не вернется он.

– Спасибо, – сказал я искренне. – Ты хороший человек, мне кажется. Извини, что тогда так вышло.

Пастухов замялся. Потом все-таки спросил:

– Ну и что теперь со мной будет? Велите все забыть?

Я задумчиво смотрел на него. Не хотелось мне применять к Пастухову даже самые простенькие заклинания. Станный он человек, пускай и хороший.

– Даешь честное слово никому и ничего не рассказывать про наш разговор? – спросил я. – И вообще про нас?

– Да что я, дурак, что ли? – возмутился полицейский. – Кто же мне поверит? Никому я не расскажу!

– Тогда еще вопрос напоследок. Когда ты один и вокруг никого нет – ты ковыряешь пальцем в носу?

Пастухов открыл и закрыл рот. Неожиданно покраснел. А потом сказал:

– Ну... если потребность есть... бывает.

– Я как-нибудь к тебе загляну, надо будет еще поговорить, – сказал я. – Но ты не беспокойся. Только разговор по душам, ничего более.

– Ага... – неловко сказал Пастухов. – Спасибо...

– Не хочешь задать мне никаких вопросов?

Пастухов медленно покачал головой:

– Хочу. Но не буду. Меньше знаешь – крепче спишь.

Я уже шел к Ласу, когда он меня окликнул:

– Вы поможете Бисату?

– А почему ты думаешь, что я стану ему помогать? – спросил я.

– Ну... – Полицейский замялся. А потом вдруг улыбнулся: – Потому что собака – друг человека. Правда?

Я погрозил ему пальцем и подошел к Ласу.

– Чего там? – с любопытством спросил Лас.

– Он тоже ковыряет пальцем в носу, – ехидно сказал я. – Данные полиция, который ушел с поста, записал? Звони в информационный, нам срочно нужен его адрес. Хотя нет, ты за руль, я сам позвоню, пока будем выезжать.

Глава третья

Проживал полицейский Бисат Искендеров недалеко, в Куркино. Район хороший, по мнению многих, даже элитный. Но Искендеров жил там в муниципальной квартире, так что вряд ли он относился к числу тех удачливых полицейских, что всю жизнь работают в патрульно-постовой службе, но при этом живут в роскошных апартаментах и ездят на работу в «мерседесе» представительского класса.

Пока мы добирались к столь неожиданно и необычно уволившемуся со службы полицейскому, я пересказал Ласу свой диалог с Пастуховым.

– «Собаки», значит, – задумчиво сказал Лас. – Сильно... Слушай, а что ты с ним разговаривал-то? Наложил бы «Платона», он бы все с радостью рассказал. Или просто в голову ему влез... ты-то умеешь...

В последних словах прорезалась зависть. Лас был слабым Иным и без всяких шансов сильно подняться в уровне. Некоторые заклинания ему никогда не будут доступны.

– Лас, ты часто встречал людей, которые видят Иных? – ответил я вопросом.

– Нет.

– Вот и я нет. Вообще о таком не слышал. Похоже, эта способность у него появилась после встречи со мной. Тогда есть какая-то вероятность, что это последствия наложенного

мною заклинания.

– И ты боишься, что новое заклинание лишит его этой способности... – кивнул Лас. – Понятно. Ну, ты Высший, тебе решать.

– Решать Гесеру, – признал я. – Но торопиться я не хочу. Пастухов никому ничего не расскажет. А если расскажет – попадет в психбольницу.

– А этот... «тигр»?

– Что – «тигр»?

– Как думаешь, кто он? Высший маг?

– Пастухов же не назвал «тигром» меня...

– Логично... А кто тогда? Инквизитор?

– Нет, – сказал я с сожалением. – Не думаю. Инквизиторы остаются Светлыми или Темными, кем были раньше.

– У них же аура серая делается.

Я вздохнул и прикинул, стоит ли раскрывать детали:

– На самом деле – нет. Аура у них прикрывается серым. Сильный маг может заглянуть под маскировку – там ровно то же самое, что и было. Либо Светлый, либо Темный. Сущности они не меняют.

– О как, – поднял бровь Лас. – Ну так и почему это не может быть инквизитор?

– Иной с серой, невнятной аурой – «тигр»? Как-то не сходится, верно? Учитывая, как метко Пастухов охарактеризовал нас и Темных.

– Кто же тогда? – поразился Лас.

– А это тоже пусть Гесер решает, – ответил я. – У него голова большая, умная. Он на свете пожил долго. Пусть думает.

– Самый правильный подход! – одобрил Лас. – Слушай, а я вот что подумал... полицай этот напарнику соврал, что в сортир хочет...

– Ну, – кивнул я. Мы как раз въехали во двор многоэтажного здания, и теперь Лас искал, где припарковаться.

– Вначале – соврал. А потом – обделался.

– С перепугу, – решил я.

– Все равно какое-то совпадение необычное.

Я промолчал. В словах Ласа было здоровое зерно. Если вокруг творятся странные вещи, то любое совпадение следует рассматривать особо тщательно.

– Пошли, – сказал я, вылезая из машины. – Поговорим с этим Бисатом... потом будем думать.

Скорее по привычке, чем ожидая увидеть что-то необычное, в подъезде я вошел в Сумрак. Полицейский жил на втором этаже, служебное жилье редко выделяют на престижных высоких этажах. На первом этаже ничего необычного не было – синий мох, паразит Сумрака, ровным слоем покрывал все стены, особенно сильно разрастаясь в углу, возле батареи, и около дверей лифтов. Все предсказуемо, возле батареи целуются молодые парочки, прежде чем девушка поправит одежду и побежит домой к маме и папе... или мужу и

детям. А возле лифтов ругаются, когда обнаруживают, что они сломаны и придется идти пешком на двенадцатый этаж, или тихо радуются, предвкушая возвращение домой... Привычными движениями я бросил во все стороны огонь, сжигая паразита. Его, конечно, до конца не выведешь, но это для любого Иного – как вытереть ноги, входя в дом.

Второй этаж меня озадачил. Синий мох был везде – кроме одной двери. От нее он, похоже, отполз. Причем совсем недавно, несколько часов назад. Тонкие синие нити медленно втягивались в синий ковер – так сокращается амеба, наткнувшись на кристаллик соли.

– Он живет здесь, – сказал я, возвращаясь в реальность.

– Что-то увидел? – заинтересовался Лас.

– Да нет, ерунда.

Я позвонил.

Прошло почти полминуты, прежде чем дверь открылась. Без вопросов и, кажется, даже без взгляда в глазок, совершенно ритуального для любого москвича.

На пороге стояла невысокая полная женщина. Эдакая «типичная немолодая восточная женщина» в представлении москвича – в молодости явно красивая, сейчас не очень, с каким-то очень тихим лицом, будто погруженная в себя.

– Здравствуйте. – Я чуть выдвинулся вперед. – Мы из управления... Бисат дома?

Управление – это очень удобное слово. Почему-то никто никогда не уточняет, из какого именно управления. Вот и

женщина тоже не стала переспрашивать.

– Входите. – Она сдвинулась в сторону. – В спальне он... Похоже, нас ждали. Ну, не нас, конечно, но кого-то ждали. Входя, я глянул на ее ауру. Ничего особенного, конечно.

Человек.

Квартирка была трехкомнатная, но небольшая, прихожая совсем узкая и неудобная. Из открытой двери в гостиную гремел незнакомый рок.

Я был игрок и сыграть бы мог
С тем, кто придумывал карты.
Мне везло всегда, и я верил, что моя звезда
Не упадет никогда, но случилась беда...
Жизнь дорога, но все же
Слабых волей бьют как моль.
Выбери, что надежней —
Библия или кольт!

Лас, наостривший было уши – он обожал малоизвестные группы, – с сожалением покачал головой и цокнул языком.

Женщина молча подала мне тапочки, взяв пару побольше из целого табунка у входа. Лас разуваться не стал – и на это она никак не отреагировала.

Странно. Обычно такие простые привычки устойчивее всего. Либо попросила бы переобуться обоих, либо, в силу модных европейских традиций, плохо приживающихся в Москве с ее климатом и грязью, не предлагала бы мне.

В гостиной на диване сидел худенький мальчишка с ноутбуком на коленях. От ноутбука змеились провода к стоящим на полу колонкам. На нас паренек посмотрел и звук в колонках убавил, но даже не поздоровался, что для восточного мальчика уж совсем странно. Я просканировал и его ауру. Человек.

– Сюда...

Вслед за женщиной мы прошли к спальне. Она открыла дверь, пропуская нас, и так же молча, ничего не говоря, закрыла ее за нами, оставшись в прихожей.

Ох, что-то неладное тут творится...

Бисат Искендеров лежал на заправленной кровати в одних трусах и майке и смотрел телевизор, висящий на стене напротив кровати. Все тут было какое-то усредненно-московское, практически без национального колорита, без каких-то личных заморочек: мебель из ИКЕИ, ковер в изголовье кровати (я думал, сейчас так уже не вешают, это была традиция из каких-то замшелых, брежневских еще времен), женский журнал на одной тумбочке, сборник детективов на другой. Такая спальня могла быть в любом российском городе. В ней мог валяться на кровати менеджер Ваня или строитель Ринат.

Не люблю квартиры, в которых нет отпечатка хозяина.

– Здравствуйте, Бисат, – сказал я. – Мы из управления. С вами что-то случилось? Вы заболели?

Бисат посмотрел на меня и снова перевел взгляд на экран.

Там шла популярная передача, немолодая женщина-врач с добрыми глазами рассказывала народу про парапроктит. «А теперь мы попросим выйти на сцену кого-нибудь из зала, одетого в футболку или рубашку без воротничка...»

– Здравствуйте, – ответил Бисат. – Ничего не случилось. Я здоров.

– Но вы покинули дежурство... – сказал я.

И посмотрел на него сквозь Сумрак.

Вначале я решил, что со мной что-то случилось.

Потом я понял, что это не со мной. Но легче мне от этого не стало.

– Лас, глянь ауру... – тихо сказал я.

Лас наморщил лоб. И ответил:

– Чего-то не вижу...

– Потому что ее нет, – подтвердил я.

Бисат терпеливо ждал, пока мы говорили. Потом ответил:

– Я покинул дежурство, потому что не было смысла дежурить.

– Расскажите про человека, с которым вы говорили перед тем, как уйти, – попросил я.

– Чего-то я не понял, – задумчиво сказал Лас. – А разве бывают люди без ауры?

«Представьте себе, что горловина футболки – это на самом деле...» – сообщила с экрана ведущая.

– Перед тем как уйти, я разговаривал с Димой Пастуховым, – сказал Бисат. – Он неплохой человек...

– Раньше! – попросил я. – Перед Димой!

– Перед Димой я разговаривал с продавщицей в табачном ларьке, – сказал Бисат. – Она симпатичная женщина, но худая очень...

– Нет, постой, – попросил я. – Бисат, когда у Пастухова заболел живот и он ушел в здание аэропорта. Помнишь? Ты остановил человека, выходящего из зала прилета...

– Так это был не человек, – очень спокойно возразил Бисат.

– А кто? – воскликнул я.

– Не знаю. – Бисат оставался столь же невозмутим. – Но не человек. Люди такими не бывают.

– Хорошо, расскажи мне, как выглядел этот «не человек», – попросил я. – И о чем вы говорили.

– Он... – Бисат впервые задумался над ответом. И даже проявил какую-то живость – протянул руку и почесал живот. – Он светловолосый. Высокий очень. У него короткая бородка. Глаза голубые. Я попросил у него документы. Он ответил, что в этом нет необходимости. Положил мне руку на плечо и посмотрел в глаза. Я... я хотел спросить, что он такое себе позволяет. Но не стал.

– Почему?

– А какая разница.

– Ваш напарник Дима описывал этого... не человека... иначе.

– Я не знаю, как он его описывал, – спокойно сказал Бисат.

Вздохнув, я собрал в руке немного Силы и отправил в сторону полицейского заклинание «Сократ» – кратковременное, но непреодолимое желание говорить истину, и только истину.

Заклинание туманным сгустком пронеслось через Сумрак, прошло Бисата насквозь и унеслось сквозь стену на улицу. Ох, кому-то достанется...

– «Доминанту» давай, – предложил Лас.

Я покачал головой, глядя на лежащего на кровати человека. Обычного человека, которому теперь было «все равно». У которого не было ауры. И сквозь которого проходили насквозь заклинания.

– Не поможет. Пойдем, Лас.

– Но...

– Пойдем, – сказал я.

Бисат снова повернулся к экрану. Ведущая радостно объясняла: «И вот в эти нежные складки и складочки...»

Жена полицейского ждала нас в прихожей. Музыка по-прежнему играла, только уже потише:

Вой, не вой, а итог такой:

Надо платить за удачу.

Только поздно, брат, поливать давно засохший сад,

Жизнь за деньги не взять мне назад...

– Мы пойдем, – неловко сказал я. – Знаете... вам, наверное, будут еще звонить. И зайдут... с работы.

– Я хочу его увезти, – сказала внезапно женщина.

– Куда?

– Домой. В Азербайджан. Есть такой отачи, Юсуф. Травами лечит. Все лечит. Он не только травник, он гам.

– Колдун? – спросил я.

Женщина кивнула и плотно сжала губы.

– Увозите, – сказал я. – Только покажите вначале нашему знахарю, хорошо?

Женщина с подозрением посмотрела на меня.

– Он сегодня к вам придет, – сказал я. – Хороший знахарь. Поверьте.

– Что с ним? – спросила женщина.

– Не знаю, – признался я.

– У него будто души не стало, – сказала женщина.

– Дождитесь знахаря, – попросил я.

Мы вышли из квартиры. Я посмотрел в Сумрак – синий мох отполз еще дальше от дверей. Ему не нравилось то, что там происходило.

– Пошли, Лас, – сказал я. – Надо к Гесеру, и живо.

Но на улице нам все-таки пришлось на минуту задержаться. Перед подъездом стояла парочка – девушка с одновременно разъяренным и растерянным лицом и парень, который с воодушевлением рассказывал:

– А с твоей сестрой я только целовался, и то по пьяни. С Ленкой мы однажды переспали, она пришла, когда тебя не было...

– Придется подчистить, – решил я. – Займусь девушкой, а ты сними с парня «Сократа» и заставь все забыть.

– Надо ли? – задумчиво произнес Лас. – Сам виноват, пусть сам и расхлебывает...

– Ошибки надо исправлять, – сказал я. – Хотя бы те, которые можно исправить.

Лас, очевидно, думал, что мне уже кое-что понятно, и мы сейчас целеустремленно спешим к Гесеру, потому что уж ему-то точно понятно все. Кто такой этот «тигр», почему у живого человека нет ауры (и заодно еще и полностью утрачен интерес к жизни), почему нацеленные в него заклинания проходят его насквозь. На самом деле я ничего не понимал. И подозревал, что Гесер будет ошарашен не менее.

Что такое аура, если разобраться?

Это Сила. Та самая Сила, которую люди постоянно продуцируют, но использовать не могут. Сила истекает в пространство и покрывает всю Землю. Мы, Иные, продуцируем ее куда слабее – и поэтому можем впитывать из внешней среды (примерно то же самое делает синий мох, только мы куда эффективнее – и еще умеем мыслить). Если нет ауры – значит нет Силы... нет жизненной энергии... человек или Иной – он уже мертв...

Нет, ерунду я думаю! Как это – нет ауры? Вампиры мертвы, они находятся в состоянии «послежизни», а вот аура у них есть. Своя, особая, вампирская, но есть. У Надюшки –

Абсолютной волшебницы, имеющей «нулевую магическую температуру», – аура тоже имеется – и будь здоров какая!

Я потерял лоб. Никогда не стремился разобраться во всех этих деталях нашего существования. Считал, пусть научная группа ломает ум... все равно все эти теории бесконечно далеки от жизни.

Итак... почему есть аура у тех, кто мертв? И у тех, кто вообще не излучает «жизненной энергии»? И почему они живы... как ни ужасно мне было ставить в один ряд вампиров и Надю, я сделал над собой усилие и попытался рассмотреть вопрос абстрактно. Без жизненной энергии жить нельзя... а мертвые и «нулевые волшебники» ее не продуцируют...

Стоп! Все элементарно. Они не излучают, но потребляют. Вампирам чужая Сила дает посмертное существование. Получается, что... что и Наде она обеспечивает жизнь. Если проводить какую-то аналогию... то моя дочь – она как человек, чей организм не вырабатывает кровь. И живет она на постоянных, непрерывных переливаниях...

Я сморщился и заерзал на сиденье. Даже думать об этом было неприятно. Может быть, поэтому я никогда и не вдавался в детали того, как связаны между собой Сила, аура, жизнь?

Ладно, это все пустое. Пусть Надя живет на чужой жизненной силе. Она живет, и с ней все хорошо. А как можно лишить человека Силы – и при этом оставить его в живых? Не убить, не превратить в вампира – а превратить в какую-то

странную разговаривающую куклу?

Не знаю.

– Задумался ты, – сказал Лас.

– Ага, – подтвердил я.

– Слушай, у меня вопрос есть... А Высшие – они видят, как душа отлетает?

– Душа? – не понял я. – Отлетает?

– Ну да. Аура – это же душа, верно? Вот когда человек умирает, видно, куда аура полетела? Я к тому, что можно было бы вычислить положение рая и ада. Если взять двух одновременно умирающих в разных концах земного шара, засечь направление отлета души, то методом триангуляции...

– Лас, аура – не душа! – возразил я. – Аура – жизненная энергия.

– А я думал – душа, – расстроился Лас. – Так душу не видно?

– Нет, – ответил я. – И когда человек умирает, то аура никуда не улетает, она гаснет.

Что-то в этом было. В вопросе Ласа, в моем ответе...

Но понять я не смог или просто не успел – мы проехали под услужливо поднявшимся шлагбаумом на нашу стоянку. И остановились прямо перед Гесером.

Вот чем настоящий Высший маг отличается от неофита вроде меня – опытом. И умением делать кучу дел одновременно. Если бы я послал кого-то по делам и отслеживал потом его действия – я бы, наверное, мог почувствовать, что он

спешит обратно с важным докладом. Но мне пришлось бы этим заниматься специально. А Гесер, похоже, ощутил мое приближение так, между делом, и заинтересовался настолько, что вышел навстречу.

– Рассказывай, – коротко велел он, когда я начал выбираться из машины. – И быстро!

Быстро так быстро. Я посмотрел ему в глаза и прокрутил в голове разговор с Пастуховым и визит к Искендерову.

– Пошли в кабинет. – Гесер развернулся. Провешивать портал на таком расстоянии было бы пижонством. – Звони Светлане.

– Зачем? – доставая мобильник, спросил я.

– Я открою портал в вашу квартиру. Пусть берет Надю и идет сюда.

По спине противным холодком пробежал страх.

– Нет, я не вижу непосредственной угрозы, – сказал Гесер не оборачиваясь. – Но мне крайне не нравится происходящее. И мне нужны все Высшие Москвы.

На ходу Гесер время от времени словно бы запинался, не совсем уж останавливаясь, но притормаживая на мгновение. Похоже, он связывался с другими Высшими.

Хотя с какими другими? Светлане звоню я... что ж она не берет-то трубку... есть еще Ольга... вот и весь состав «магов вне категории» Ночного Дозора. У Дневного в активе сейчас только Завулон, у них много магов первого-второго уровня, но с Высшими последнее время не складывается...

– А мне что делать? – обиженно крикнул вслед Лас.

– Зайди в научный отдел, Иннокентия ко мне! – велел Гесер. Он любил, когда все вокруг при деле.

Светлана наконец-то ответила.

– Антон?

– Света, сейчас Гесер провесит к нам в квартиру портал...

– Уже висит, – спокойно ответила Светлана.

– Бери Надьку и дуй к нам.

– Спешно? – уточнила Света.

– Пусть возьмут вещи на день-два, – обронил Гесер. – Но особо не копаются.

Эта реплика мне совсем не понравилась. Похоже, Гесер собирался перевести Свету и Надю «на осадное положение». Это пугало: учитывая, что речь шла о Высшей волшебнице (пусть и специализирующейся на целительстве – но, как известно, любое лечебное заклинание с тем же успехом может служить и атакующим) и волшебнице Абсолютной – то, что ей всего десять лет, не делает Надю беззащитной. Она может поставить самую банальную Сферу Отрицания – но с такой мощностью, что ее из пушки не пробьешь.

– Я слышала, – сказала Света. – Сейчас, покидаю чистого белья в сумку... Тебе чего-нибудь принести?

– А... – запнулся я. – Ну... пару носков, пару трусов...

– Рискну захватить еще и чистую рубашку, – решила Светлана.

Мы уже подходили к кабинету Гесера, когда я все-таки

решился заговорить – шеф больше не вздрагивал при ходьбе, видимо, со всеми, с кем нужно, уже связался.

– Борис Игнатьевич, вы, как я вижу, поняли, что происходит...

– Ни черта я не понял, Антон, – ответил Гесер. – Ни черта. Я даже не слышал ни о чем подобном. И это... – Он пожевал губами, подбирая подходящие слова. – Это меня пугает.

Он распахнул дверь, и мы вошли в его кабинет.

Глава четвертая

Первое, на что я обратил внимание, – висящие в воздухе порталы. Вызванные Гесером Высшие очень спешили.

Потом я сосчитал порталы. Один, для моих девчонок, мерцал тонкой белой рамкой, ожидая, пока через него пройдут. Три портала медленно гасли.

Три?

И я уставился на тех, кто уже сидел за столом.

Ольга. Ну, это понятно. Я машинально кивнул ей.

А этот тихий старичок с растрепанными седыми волосами, в потертом костюме и старомодном широком галстуке, похожий на престарелого профессора или врача?

И этот крепкий бородатый мужчина, чье лицо мне почему-то знакомо... не из дозорной жизни, скорее – из человеческой, то ли по телевизору видел, то ли в газетах...

У нас в Дозоре таких нет.

– Спасибо, что не задержались, – сказал Гесер, проходя к своему креслу. – Познакомьтесь. Это Антон Городецкий. Вы о нем наверняка слышали.

– Кто же не знает Антона Городецкого? – с улыбкой сказал старичок.

– Это – Марк Эммануилович Жермензон, – представил его Гесер. – Высший Светлый. Боевой маг.

– Сергей, – представился второй. – Сергей Глыба. Высший

Светлый.

– Я вас знаю, – вспомнил я наконец-то. – Вы... вы же этот...

– Прорицатель! – радостно подтвердил он.

Он действительно был прорицателем. Из числа тех, что публикуются в «желтых» газетах и не менее «желтых» журналах, толкутся на телевидении, сидят среди приглашенных гостей «на первом ряду» в бесчисленных ток-шоу. Он предсказывал финансовый кризис, когда тот заканчивался. Укрепление рубля перед тем, как тот падал. Замену долларов в США на неведомые «амеро». Падение астероидов. Прилет инопланетян. Эпидемию козьего гриппа. Неслыханный рост российской экономики. Тайфуны и землетрясения.

Если бы все его прогнозы сбывались с точностью до наоборот, то в них был бы смысл. Но это была обычная предсказательная болтовня по принципу «трех П» – пол, палец и потолок. Иногда в прессе над ним хихикали, но его импозантный облик и бойко подвешенный язык нравились читателям (точнее – читательницам), и без работы он не оставался.

– Вы прорицатель? – сказал я с сомнением.

– Антон, ну что же вы, думаете, я буду всерьез прорицать для людей? – с улыбкой ответил Сергей.

– Никогда не видел вас в Дозоре, – сказал я.

– А они не в Дозоре, – мрачно сказал Гесер. – Марк Эммануилович, можно сказать, на пенсии.

- По ранению, – с веселой улыбкой уточнил Жермензон.
- А Сергей просто не хочет служить, – добавил Гесер.
- Имею право, – ответил Глыба. – Хочу жить как человек.

Из последнего портала вышла Света, держащая за руку Надю. Портал немедленно погас.

– Здравствуйте, – очень вежливо сказала Надя. – Дядя Гесер, тетя Оля, здравствуйте.

Я увидел, с каким нескрываемым любопытством уставились на мою дочь Марк и Сергей, и усмехнулся.

– Все прибыли, прекрасно, – сказал Гесер. – Начинаем работать. Вы все в курсе того, что узнал Антон...

Ого... быстро он. Не только позвал, значит. Еще и проинформировал.

– У нас чрезвычайная ситуация, – продолжал Гесер.

– Полагаю, очень сильно чрезвычайная? – уточнил Марк Эммануилович.

– Крайне, – неожиданно сказал Глыба, запрокидывая голову и закрывая глаза. – Гесер... спасибо, что всех собрал.

– Что видишь? – не глядя на прорицателя, спросил Гесер.

– Ничего.

– Тогда откуда панические настроения?

– Я ничего не вижу, Гесер. – Сергей потер лоб и криво улыбнулся. – Вот откуда и паника. Ты же знаешь, я всегда что-нибудь да вижу...

– Обычно – всякие гадости... – буркнул Гесер.

– Жизнь такая. А сейчас – пусто.

– Ты что, конец света предрекаешь? – заинтересовался Жермензон. – И что-таки, потом ничего?

– Да не обязательно. – Глыба поморщился. – Уж с твоим опытом, Эммануилыч, стоило бы знать азы прорицания. «Слепота прорицателя» возникает в ситуации, когда на ближайшее будущее воздействуют силы, превосходящие силы прорицателя как минимум на порядок. То есть для второго ранга это будет маг первого уровня, для первого уровня – Высший маг...

– И в результате мы получаем замечательную картину – в Москве появилась сила, на порядок превосходящая Высшего мага, – подытожил Гесер. – Не знаю, как вам, а мне это кажется близким к апокалипсису...

– Дядя Гесер. – Надя, присевшая рядом со Светланой за дальний конец стола, подняла руку будто в школе. – Силы Высших не могут различаться на порядок, нас так в школе учили...

Гесер поморщился и попросил:

– Надя, давайте, пожалуйста, без «дядя». Ты уже... э...

– Большая девочка, – послушно сказала Надя. – Ну так нас учили, что сила Высших магов практически одинакова, небольшие колебания, замеренные в ходе прямых силовых противостояний вроде «пресса», никакого значения не имеют и не являются стабильными. Сегодня чистая Сила выше у одного Высшего, завтра у другого. Основное значение в противостоянии Высших имеют опыт и тактика ведения по-

единка.

– Исключение из правила? – спросил Гесер с любопытством.

– Так называемые «нулевые» маги вроде меня, – без лишней скромности ответила Надя. – Мы бесконечно превосходим силой любых магов, включая Высших, поскольку теоретически можем создать заклинание любой мощности.

– Любое, но в рамках существующей на Земле магической энергии, – уточнил Гесер. – Точнее формулируй!

– Да я просто не успела закончить, – сказала Надя.

Выкрутилась!

– Хорошо, пять с минусом, – сказал Гесер. – И что же ты хотела сказать?

– Как может существовать маг, на порядок превосходящий Высшего прорицателя? Это либо нулевой, либо...

– Ну, ну! – подбодрил Гесер.

– Либо вообще не маг. – Надя внезапно смутилась и подалась к матери. Светлана обняла ее за плечи. Я поймал взгляд дочери и одобрительно кивнул.

– Мы не можем исключить существование другого нулевого мага полностью, – сказал Гесер. – Но и предпосылок к этому нет.

– В том числе не было и никаких предсказаний на этот счет, – заметил Глыба. – А Надя была предсказана.

– Давайте рассматривать другие варианты, – сказал Гесер. – Маг, даже нулевой, это всего лишь маг.

– Зеркало? – тихо спросила Светлана.

Повисла напряженная тишина.

Зеркало – это плохо. Это очень плохо, потому что с ним практически невозможно бороться. Зеркало порождается Сумраком... то есть никто на самом деле не знает, как и почему обычный неинициированный Иной с неопределенной аурой, одинаково склонный к Свету и Тьме, превращается в Зеркального мага. Зато известно, почему он появляется и что потом происходит. Зеркальный маг приходит в то место, где сильно нарушен баланс Света и Тьмы, после чего встанет на сторону проигрывающей стороны. Ну и... ликвидирует разрыв. Самым банальным способом – либо убивая магов, либо лишая их силы. Светлана одиннадцать лет назад потеряла большую часть своей силы – и еще счастье, что ей удалось восстановиться так быстро.

– Это не может быть Зеркало, – сказал Гесер и покачал головой. – Зеркальный маг поднимается по уровням лишь в ходе поединка с обычными магами. У нас кто-нибудь из Высших с Зеркалом сражался?

– Темные? – предположил Марк Эммануилович.

– У них в Дозоре один Высший, сам Завулон.

– А Юрий и Николай? – удивленно поднял бровь Жермензон.

– Юрий семь лет назад перебрался в Минск, там у него карьерные перспективы более внятные, – усмехнулся Гесер. – А Николай – как вы. В запасе уже пятый год. По-моему, ни-

чем не занят, кроме рыбалки на Ахтубе...

– Он еще пишет любовные романы под женским псевдонимом, – вставила Ольга.

– Да? – неожиданно заинтересовался Глыба. – И как?

– Читать можно, – оживилась Ольга. – Особенно...

– Тише! – Гесер постучал пальцем по столу. Звук был неожиданно громким. Прикрыл глаза, посидел несколько секунд молча. – Я попросил Завулону проверить его Высших из запаса. Но, полагаю, никто из них ни с кем не сражался. Да и с какой бы стати Зеркалу убивать Темных? При нынешнем раскладе сил он опять должен убивать нас!

– Тогда кто? – Жермензон развел руками. – Если не Зеркало... кто-то из древних магов? Были же среди них нулевые... ну... или близкие к тому...

– Кто и зачем? – ответил вопросом Гесер. – Главное – зачем? Тайком явиться в Москву, проделать невесть что с попавшимся на пути человеком... Нет, давайте рассмотрим альтернативные варианты!

– Не Зеркало и не неизвестный нам Выс... э... нулевой маг? – спросил Глыба.

– А какие варианты еще могут существовать? – впервые задала вопрос Светлана. – Вы извините, Борис Игнатьевич, у меня на плите борщ недоваренный остался, Надя сидела уроки делала, тут вы нас выдергиваете... и, как я вижу, сами не понимаете зачем!

Гесер посмотрел на меня. И сказал:

– Давай-ка ты, Антон. Что тебя пугает?

Я подумал минуту, прежде чем начать отвечать.

– Самолет... Самолет, который должен был упасть, но не упал. Мальчик-пророк, который так удачно попался мне на глаза. Его слова... относительно меня в первую очередь. Полицейский, с которым я столкнулся много лет назад и который теперь видит Иных, сам Иным не являясь. Его напарник, у которого исчезла аура и которому теперь все поровну. Незвестный, которого полицейский назвал «тигром». То, что оба полицейских описали неизвестного совершенно поразному. Невозможность предвидеть события для Высшего мага-прорицателя.

– Как это все может быть взаимосвязано?

– Не знаю, – честно сказал я.

– И что именно тебя пугает? Неужели слова про «тигра»? Так твой полицейский и нас называет «собаками», и Темных «волками».

– Меня пугает концентрация странностей, – сказал я. – Все началось сегодня утром. Восемь с половиной часов назад! И столько всего сразу!

Гесер кивнул. Кажется, он был удовлетворен моими словами.

– Правильно. Очень много странностей. Совпадением это быть не может, значит, должна быть общая причина. Предлагайте свои варианты.

– Вы прямо как доктор Хаус, Борис Игнатьевич, – с иро-

нией произнесла Светлана.

– Что?

Это был один из тех редких случаев, когда я видел шефа растерянным. Он, по-моему, совсем не интересовался кинематографом, а по телевидению смотрел только новости и фигурное катание – чем-то оно его привлекало.

– Не важно, – сказала Светлана. – Доктор такой... известный. Он тоже предлагал подчиненным выдвигать безумные теории, а сам выбирал из них правильную.

Гесер с легким сомнением смотрел на Светлану. Потом кивнул и сказал:

– Надеюсь, у этого доктора более инициативные подчиненные. Я пока ни одной версии не слышу.

– Божественная сущность, – неожиданно сказал Жермензон. – Нет, я не веду речь о Боге или мессии, но, возможно, мы имеем дело с проявлением какой-либо сакральной, мистической сущности...

– Пенсия на тебе вредно сказывается, Марк, – сказал с раздражением Гесер. – Единственная мистическая сущность в нашем мире – это мы, Иные. Все остальное – человеческий фольклор.

– Ну, некоторые Иные так не считают... – пробормотал Жермензон, впрочем, без особого напора.

– Значит, это фольклор Иных! – отрубил Гесер. – Серьезные версии есть?

– Порождение изначальной Силы, – предположил Глы-

ба. – Света или Тьмы...

– Это та же самая «божественная сущность», только другими словами, – сказал Гесер.

– Но Свет и Тьма существуют, – пожал плечами Глыба. – Когда мы клянемся Светом, он подтверждает наши слова.

Гесер поморщился.

– Софистика. Мы не знаем, как и почему это происходит. Ты знаешь? Я – нет. Возможно, кто-то из Великих магов древности создал заклинание, которое действует до сих пор. Подозревать Свет и Тьму в осознанной деятельности – это...

– Это все равно как предположить, будто Сумрак создаст Зеркало и пошлет проигрывающей стороне... – мягко сказала Ольга.

Гесер заткнулся.

Именно заткнулся, а не замолчал. Посидел, глядя в столешницу, потом сказал:

– Версия принимается. Она нелепа. Она мне не нравится... потому что я боюсь чего-то подобного. Но как версия – принято. Еще?

Надя снова подняла руку.

– Мне кажется, Борис Игнатьевич, что гадать сейчас вовсе не нужно, – сказала она. – Ну какая нам разница, кто именно появился? Мы ведь уже знаем, что он очень сильный и делает странные вещи. И пусть! Нам надо понять, чего он хочет.

– И?... – спросил Гесер.

– Па... Антон... – Надя покраснела.

– Ничего, мы в курсе, что он твой папа, – неожиданно мягко сказал Гесер. – Говори.

– Все началось с того, что папа увидел мальчика-пророка, который боялся лететь на самолете, потому что самолет должен был упасть, – явно смущаясь, начала Надя. – Ну, он мальчика и его маму спас, так? А если кто-то тоже хотел его спасти, только поступил проще, спас сразу весь самолет? Поэтому самолет и не упал. Ну а когда понял, что мальчика там уже нет, то отправился его искать...

– История с полицейскими? Почему он так прокололся? Оставил не просто свидетелей, а свои следы?

– Он не прокололся. Он... он представился, – тихо сказала Надя.

– Оставил визитную карточку! – Ольга щелкнула пальцами. – Верно. Понял, что один из полицейских распознал в нем Иного. Воздействовал на его напарника. Но с чего он решил, что мы выйдем на этих полицейских, да еще так быстро?

– Если тот полицейский обычный человек, но видит Иных, – это может быть последствием общения с папой, – сказала Надя. – Нас учили, что заклинание может оставить побочный эффект, след... И этот след обычно завязан на того мага, который заклинание накладывал. Вдруг кто-то увидел на полицейском след – и понял, что он с папой связан? Для него это было... ну, как собаку пнуть – чтобы завизжала и хозяин обернулся...

– Ничего себе сравнение, – сухо сказала Ольга.

– Извините, – ответила Надя. – Я же с его точки зрения сужу...

Я обратил внимание, что Гесер уже с полминуты сидит с закрытыми глазами. И медленно багровеет. Потом Гесер открыл глаза и встал:

– Так. Я не слышу Семена. И не могу с ним связаться. Кто-нибудь, попробуйте!

Ольга тоже прикрыла глаза.

Глыба картинно приложил ладонь ко лбу.

Жермензон пожевал губами.

Светлана нахмурилась.

А я достал мобильник и нажал одну из клавиш «горячего вызова».

– Да, Антоха? – жизнерадостно ответил Семен.

– Ты где?

– Я? Я в гостях у Оли и Кеши. Чай пью. Рассказываю, какая у нас замечательная школа для художественно одаренных детей.

– Гесер не может с тобой связаться, – сказал я.

Последовала короткая пауза, после которой Семен сказал.

– А ты знаешь, я тоже не могу. Ни с кем. Как-то глухо... в эфире...

– Скажи, что мы едем, – быстрым шагом направляясь к двери, приказал Гесер. – Антон, Марк, Ольга, вы со мной! Светлана, Сергей, вы за старших по Дозору.

– Я не в штате! – возмутилась Светлана.

– Считай, что тебя призвали, – бросил Гесер не оглядываясь.

– Света, если мы сейчас будем спорить, – мягко сказала Ольга, поднимаясь вслед за Гесером, – ребенок может погибнуть. И Семен тоже. Понимаешь?

И Светлана, которая на моей памяти уже сотню раз отбивалась от попыток Гесера хоть как-то привлечь ее к делам Дозора, сразу осеклась. Лишь спросила вслед:

– Что именно мне делать?

– Убивай все непонятное, что попробует войти в офис, – ответил Гесер.

– Я врач, а не убийца! – возмутилась Света.

– У каждого врача должно быть свое кладбище, – отрезал Гесер.

Когда мы выбежали во двор, шлагбаум на въезде был уже поднят, а в разъездную машину – потрепанный японский «паркетник» – садились Алишер и Гарик – видимо, они сегодня были дежурными.

– Марк Эммануилович, будь добр, сядь к ребятам, – бросил Гесер.

Похоже, он всерьез считал необходимым присутствие в каждой машине хотя бы одного Высшего.

А мы уселись в старый «БМВ», на котором Гесер ездил сколько я себя помню. Я сел впереди, Ольга – на заднее си-

денье, Гесер – за руль. Обычно он так не делал, я даже не был уверен, что Великий умеет водить автомобиль.

Оказалось – умеет, да еще как. Мы вылетели на улицу и с ходу рванули по встречке, которая, очевидно, показалась Гесеру более свободной от транспорта. От дружных проклятий водителей и возгласов о распоясавшихся депутатах и чиновниках, которые ездят как хотят, нас спасало только одно.

Машина была невидима.

Причем Гесер использовал не обычное заклинание вроде Сферы Отрицания или его аналогов. Мы были совершенно невидимы. Мы были пустым местом, несущимся по дороге сквозняком, пустотой – с точки зрения любого водителя.

Честно говоря, это напрягает, даже если за рулем сидит Высший маг, чей водительский стаж в принципе может превышать сотню лет.

Но Гесер, оказывается, не собирался играть в салки с московскими автомобилистами. Еще через мгновение машина соскользнула в Сумрак.

Войти в Сумрак может каждый Иной. Привести с собой человека, пронести что-либо – тоже задача чисто техническая.

Но вот протащить в Сумрак машину!

– А помнишь, как мы на боевом слоне в Сумрак въехали? – внезапно спросила Ольга и засмеялась.

Шутит или всерьез? Кто ее знает...

Теперь мы мчались по сумеречной Москве. Первый слой

– самый близкий к реальности. Тут даже есть дома, машины, люди. Все сероватое, тусклое, заторможенное – но еще настоящее. Почти настоящее. Только добавился синий мох на дорогах и стенах домов...

И машина радикально изменилась. Старый, но крепкий немецкий автомобиль будто потек, меняя пропорции, салон сделался куда старомоднее, руль в руках Гесера сжался, став тоненьким, с блестящим никелированным ободком внутри и эмблемой в виде горделивого оленя посередине. Такая же фигурка оленя выскользнула из капота. Приборная доска выгнулась горбом, выпятив перед Гесером полукруглый спидометр, под которым прятались четыре крошечных прямоугольных циферблата. Посередине вместо простенького борткомпьютера возник совсем уж примитивный радиоприемник на два диапазона, а прямо передо мной – круглые механические часы.

– Да, – сказал Гесер. – Я предпочитаю отечественные машины. «Волга», вторая серия. Мой верный боевой конь. Прошу никому не рассказывать... знаю я вас, остряков...

Это была не просто видимость – я почувствовал запах кожаной обивки и заелозил на скользком сиденье. Ну надо же... даже не знал, что советский автопром выпускал «Волги» с кожаным салоном и автоматической коробкой... может, тут еще и подушки безопасности есть... не помешали бы!

Нет, ну каков шеф-то! Ездить на старой «Волге», маски-

руя ее под старенькую, но приличную «бэху»! Честно говоря, не ожидал от него такого стеснительного патриотизма... или это не патриотизм, а консерватизм?

Впрочем, патриотизм и консерватизм, как правило, неразделимы.

Гесер крутанул руль, уворачиваясь от «рейнджровера», стоящего посреди дороги. Странная это была машина – вся разукрашенная какими-то рекламными надписями, прогнившая насквозь, с вывалившимся из капота двигателем. Скорее всего в реальном мире ее уже давно не было, в Сумраке догнивал информационный фантом – такое бывает с предметами, которые по тем или иным причинам долго были объектом человеческого внимания. Последствия какого-то ДТП, что ли?

– Нет, надо поглубже, – внезапно сказал Гесер.

И вот тут он меня удивил по-настоящему. Крякнул – и мир вокруг совсем выцвел.

Мы были на втором слое Сумрака.

Дома стали деревянными. Очень странно выглядят деревянные дома в девять-десять этажей, честное слово. Дорога превратилась в проселок, извилистый и покрытый кочками. Люди почти исчезли, со второго уровня они плохо различимы. Все стало серым. Вместо машин над дорогой висели облачка пара – будто выдохнули полной грудью в холодный день...

Ну и конечно же, стало очень холодно.

И машина опять изменилась.

Очень заметно и в лучшую сторону.

Выгнувшийся в прыжке олень на капоте трансформировался в крылатую девушку.

Некоторое время я смотрел на эмблему в виде двух переплетенных латинских букв «R». Потом спросил:

– Борис Игнатьевич, так вы предпочитаете отечественные автомобили?

Гесер молча гнал «роллс-ройс-фантом» по пустым дорогам, беззаботно проносясь сквозь пар и человеческие тени. Большинство ничего не заметит. Некоторые ощутят на секунду холодок на коже и почувствуют глухую, безысходную тоску по чему-то прекрасному, захватывающему... чего им никогда не дано испытать. Американцы в таких случаях говорят «Кто-то прошел по моей могиле».

На самом деле все чуточку страшнее – сквозь тебя в этот миг прошел Иной.

– Все врут, Антон, – неожиданно ответил Гесер. – Все врут.

Похоже, телевизор он все-таки смотрит.

А его консерватизм все-таки не равен патриотизму.

– Хорошая машина, – признал я. – Так... между нами, конечно.

По второму слою мы ехали с той же скоростью, как и в обычном мире. Ну, за исключением того, что у нас на пути не было пробок. Но Гесера, конечно, интересовало не это.

Главное было в том, что время здесь шло куда медленнее, чем в реальности. К Семену мы приедем буквально через минуту после звонка.

Впрочем, тот, кто к нему идет, тоже может двигаться через Сумрак. И даже спуститься на слой-другой ниже.

Конечно, если к нему вообще кто-то идет.

Внезапно Гесер выругался. В принципе языка, на котором он сейчас заговорил, я не знал. Наверное, на этом языке говорили на Тибете во времена его детства. Но интонация сомнений не вызывала – шеф ругался.

– Фи, Гесер, – подтвердила мою догадку Ольга.

– Ничего необычного не замечаете? – спросил Гесер.

Я огляделся. Сказал:

– Сумрак. Синий мох. Все как обычно.

– Мы на втором слое, – задумчиво произнесла Ольга. – Откуда здесь синий мох?

Мха, если честно, было не много. Иногда – пятна на дороге, иногда – на стенах. Бесцветность второго уровня делала их едва заметными, но они и впрямь здесь были.

Синий мох – на втором уровне Сумрака!

– Никогда такого не видел, – признался я.

– Дело в том, что и я такого не видел, – произнес Гесер. – Вот разве что...

Но закончить он не успел – прямо перед лобовым стеклом «роллс-ройса» полыхнул файербол.

Глава пятая

Если разделить всю существующую магию на две части, то проще всего делить ее на боевую и бытовую. Вопреки расхожим мнениям начинающих Иных бытовой получится раза в два, а то и в три больше. На самых первых занятиях в Ночном Дозоре это старательно вдабливается в головы новичков – магия предназначена не для зла, не для войны, не для убийства... на любой файербол или «поцелуй ехидны» найдется штук пять мирных заклинаний – «дробилка» для измельчения мусора, «утюг» для глажки белья, «шило» и «сверло» для проделывания дырочек в домашних условиях, «Прометей» для легкого и удобного розжига костра или барбекю...

Довольно быстро, впрочем, новички понимают, что почти все бытовые заклинания прекрасно работают и в боевых условиях. По сути, единственные их недостатки – они либо более медленные, либо затрачивают больше Силы, чем специализированная боевая магия. За то время, пока начинающий Иной создает и настраивает «сверло» или прилаживает к физиономии противника «утюг», можно раз десять шарахнуть «тройным лезвием».

Поэтому после краткого интереса к нестандартным способам применения «дробилки» или «вантуза» большинство Иных перестают экспериментировать и начинают пользоваться бытовой магией в быту, а боевой – в бою.

Кроме некоторых Иных. Тех, кто рано или поздно заслужит уважительное звание боевого мага.

Именно они в конце концов постигают главную истину – очень просто и эффективно получается колотить друг друга файерболлами или давить «прессом». А еще – очень долго. Потому что противник от тебя этого ожидает. И закрывается Барьером Воли, Сферой Отрицания, «щитом мага»... Вот и стоят друг против друга Светлый и Темный, молотя друг друга заклинаниями, закрываясь от них, порой еще успевая переругиваться при этом. Может быть, оно и хорошо. Все-таки большинство магических поединков ведутся не насмерть, а пока противник не сдастся или не покинет поле боя. Иначе мы бы уже давно сами себя поубивали.

А вот если в бой вступает настоящий боевой маг – то все происходит совсем иначе. Он применяет старую добрую лечебную «ивовую кору» или его развеселую темную вариацию «аспирин». И не ожидающий этого враг внезапно обнаруживает, что температура его тела упала до температуры окружающей среды. Боевой маг не швыряет «тройное лезвие», он использует простенькую «тёрку», которой Светлана делает для Надюшки витаминный салат из яблока с морковкой, а я отчищаю кастрюли, если что-то пригорит... И противник становится на миллиметр-другой тоньше. Сразу со всех сторон. После этого обычно бой никто продолжить не может.

Я, конечно, до настоящего боевого мага не дорос. Но и файерболлами уже давно не кидаюсь.

Впрочем, такой файербол, как летящий сейчас в нас, был достоин всяческого уважения. Это был файербол премиум-класса, выражаясь языком менеджеров торговых компаний. Это был царь-файербол, говоря поэтически. Это был альфа-файербол, как сказал бы биолог. Это был файербол диаметром около трех метров, мог бы заметить очень хладнокровный математик.

Это был обосраться какой страшный файербол!

– Мать твою! – завопил Гесер, выкручивая руль. В минуту настоящего ужаса только русский язык мог передать все его чувства. Я горжусь великой русской культурой!

«Роллс-ройс» рванул влево – как любой водитель, Гесер произвольно поворачивал так, чтобы подставить под удар не себя, а соседа. Ничего личного, просто рефлексy.

У меня они тоже были – я ударил руками в стекло, к своему великому удивлению, выбив его наружу, и направил к летящему в нас огненному шару раскрытые ладони. Что я хотел сделать – Сферу Отрицания или «щит мага», – я даже и сам не понял. Потому что оказалось, что я уже произвольно делаю «пресс» – бью в сгусток пламени чистой Силой.

Инстинктивная реакция оказалась удачной. Выдержал бы «щит» удар такого мощного файерболa или нет – это еще вопрос. Успел бы Гесер уклониться – тоже непонятно. Хороший файербол самонаводится на цель подобно современной ракете.

А вот удар Силой помог. Файербол расплескало во все

стороны, будто горящее масло. Какие-то мелкие сгустки пламени ударили и по машине – но Ольга тоже не зевала, нас накрыло полупрозрачной чешуей какой-то хитрой защиты, да и сама машина, похоже, была от души накачана заклинаниями. Пламя стекло вниз, под колеса, и мы проскочили сквозь ревущий огненный шторм.

Как раз вовремя, чтобы увидеть противника.

Мне он ничуть не показался похожим на то описание, что дали полицейские.

Совсем молодой, чуть больше двадцати.

Стройный, светловолосый.

Приятное лицо, очень доброжелательное, какое-то даже благородное.

Одежда светлых тонов (цвет на втором слое Сумрака не разглядишь) и плащ. Честное слово, плащ! Настоящий, развевающийся за плечами, будто у какого-нибудь комиксового Супермена!

Парень стоял и задумчиво смотрел на машину. Не то чтобы с разочарованием... Но с некоторым удивлением.

– Идем, – сказал Гесер, выключая зажигание и выбираясь из-за руля.

Мы с Ольгой последовали за ним. Вне машины холод Сумрака вцепился в нас мертвой хваткой. Дул ровный стылый ветер, вечный ветер второго слоя.

– Кто ты такой и что тебе нужно? – крикнул Гесер.

Парень не ответил. Похоже, он размышлял.

– Ночной Дозор! Выйти из Сумрака! – сказал я, не переходя на крик, но погромче, поубедительнее.

– Иначе мы применим силу, – поддержала меня Ольга.

Парень начал улыбаться. А Гесер вполголоса произнес:

– Вот это я бы не стал говорить, вдруг он сам...

И он действительно все сделал *сам*. Уж не знаю, что хотел сказать Гесер, но незнакомцу самости было не занимать. Парень развел руками – мне показалось, что он лепит из воздуха новый файербол, чуть поменьше прежнего, но свечения не возникло, хотя какая-то сила в его ладонях мерцала, что-то готовилось...

– «Фриз»! – крикнула Ольга, и я отреагировал на ее слова, как на команду – со всей силы, что была, ударил в незнакомца заклинанием локальной остановки времени.

А что? Если разобраться – гуманно и надежно. Враг обездвижен, беспомощен, но совершенно цел. У нас есть время разобраться и что-то сделать, у него времени нет.

Вот только Ольга вовсе не просила применять «фриз». Она предупреждала о том, что собирается сделать чужак.

Гесер внезапно исчез – похоже, прыгнул вниз или вверх по Сумраку. Ольга гигантским прыжком, которому позавидовал бы не то что Брумель, а даже и голодный вампир, отлетела в сторону метров на десять.

А я остался стоять как дурак прямо под идущим на меня «фризом»...

Но зависнуть посреди Сумрака, мухой в янтаре остано-

вившегося времени, мне было не суждено. Мой собственный «фриз» – куда более слабый, чем у врага – влетел в несущееся навстречу заклинание. И как это частенько с заклинаниями бывает – они мгновенно взаимодействовали.

Посреди мрачной серой дороги, зажатой между карикатурными деревянными домами, повис сверкающий, будто драгоценный камень, многогранник. Он медленно вращался, оседая вниз, в землю. Силуэт противника за ним дробился на множество крошечных фигурок.

– Старый дурак! – рывкнул Гесер, возникая рядом со мной. Взмахнул руками – за прозрачным кристаллом полыхнуло зеленым пламенем.

– Не стоит так убиваться, шеф, – не удержался я.

И встретил непонимающий взгляд Гесера.

– Рад, что ты способен шутить, но я – о нем. – Гесер кивнул в сторону зеленого огня. – А ты, Антон, на сегодня все запасы удачи явно исчерпал. Сбить «фриз» «фризом» – задача не из легких.

– О нем? – уточнил я, кивая на парня. Посмотрел на зеленое пламя – оно медленно гасло. – Что это такое?

– Оно его затормозит, – уклончиво, но очень убежденно сказал Гесер.

Зеленый огонь погас.

Парень отряхнул с плаща какие-то липкие зеленые искры и посмотрел на нас. На этот раз – совсем не по-доброму.

– Ого, – сказала Ольга, возвращаясь к нам. – На «тайгу»,

значит, мы плюем...

– Что-то страшное грядет, – сообщил Гесер, после чего снял пиджак и бросил его на землю. Он что, на кулачках подражаться решил?

Парень, похоже, и против рукопашной ничего не имел – двинулся по дуге, обходя замороженный «фризом» участок пространства. И несмотря на весь его симпатичный, благообразный облик, я как-то очень четко вспомнил слова Пастухова.

«Тигр»...

И в этот момент послышался звук работающего мотора. Боевой маг Жермензон с командой наконец-то нас догнал. Они выскочили из машины, по-моему, даже раньше, чем она остановилась. Гарик с ходу поставил «щит мага», причем, судя по мощности, используя какой-то служебный амулет. Жермензон выдвинулся вперед, Алишер встал за ним, чуть наклонив голову и прижав ладони к сердцу, – похоже, он собирался работать на подхвате, подкачивая Жермензона энергией.

Парень остановился, оценивая диспозицию. Честно говоря, непонятно, что он собирался в такой ситуации ловить – против него было четыре Высших мага, да еще и пара оперативников, пусть и уступающих в силе, но имеющих неплохой боевой опыт.

Жермензон повел рукой – снизу вверх, будто поднимая невидимый груз. Между ним и незнакомцем вспучилась зем-

ля. Выросла трехметровым столбом. Столб подрагивал, потом приобрел очертания гротескной человеческой фигуры, рядом с которой боксер Николай Валуев выглядел бы стройным и красивым, пускай и низкорослым, манекенщиком.

Мне доводилось встречаться с големами. Пожалуй, даже чаще, чем я хотел для общего развития. Но вот сотворение голема, причем настолько быстрое, без всяких там заложённых в глину рун и манускриптов, без явного программирования, я видел впервые.

– Ох уж мне эти еврейские штучки! – сказала Ольга.

Парня голем явно смутил. Он сделал какое-то неумовимое движение – и на голема будто рухнул чудовищный груз, сминая и вдавливая обратно в землю. Вот только голема это не смутило. Он всосался в землю и тут же вынырнул из нее в другом месте, гораздо ближе к незнакомцу. И протянул к нему здоровенную руку.

Опять легкое движение пальцев, шевеление губ – и протянутая к незнакомцу рука стала разваливаться, осыпаться на землю комьями глины, будто невидимая мясорубка шинковала ее на ходу.

Голем на это никакого внимания не обратил – продолжал тянуть руку. Падающая на землю глина шевелилась и всасывалась в его ноги, так что никакой потери массы не происходило.

– Ше илех адони а нэхбад ми а маком а зэ! – крикнул Жермензон. Парень отступил на шаг. Бросил быстрый взгляд в

нашу сторону. Потом на Жермензона.

И в этот момент за его спиной сгустилась тьма. Оформилась в болтающуюся в воздухе чернильную кляксу. Из кляксы выступила шипастая нога, похожая на конечность гигантского богомола. Вслед за ногой появился и ее владелец – не уступающий ростом голему демон.

Увы, кавалерия прибыла к шапочному разбору. Парень бросил быстрый взгляд на демона, развел руками – и исчез. Без всяких вспышек, блесков, искр. Не открывая порталов, не растворяясь в воздухе и не проваливаясь сквозь землю. Просто исчез.

Очень разумно с его стороны. Если против тебя выступают главы Ночного и Дневного Дозоров плюс сопутствующие им Высшие – лучше всего свалить куда-нибудь подальше.

Голем помедлил, а потом всосался в землю. Обычно големы, созданные для выполнения одного конкретного задания, рассыпаются в прах. Но этот не рассыпался... и, похоже, он свое задание выполненным не считал.

– Здравствуй, Завулон, – сказал Гесер.

Демон трансформировался в человека – обычного невысокого человека неопределенного возраста и с незапоминающим лицом. Меня всегда удивляло, почему Темные ходят сквозь нижние слои Сумрака в устрашающем обличье. Когда-то я думал, что там скрываются неведомые мне опасности, но я уже давно не начинающий неопытный маг. Я проходил сквозь Сумрак насквозь, сквозь все его слои, и знаю,

что никаких кровожадных тварей там нет.

Или я все-таки не прав? Может быть, у Темных свои до-роги, не похожие на наши?

– И ты здравствуй, Гесер, – кивнул Завулон. – Что это бы-ла за мерзкая тварь?

Я рассмеялся. И хохотал до тех пор, пока в лице Гесера не появилось понимание.

– Ты видел отвратительного злобного демона, Завулон? – спросил он.

Темный нахмурился. Кивнул.

– Я видел хитрого немолодого мужчину, – сказал Гесер. – Антон, полагаю, приятного и простого парня. Жермензон – мудрого старого еврея. Ольга – ловкую и коварную женщину.

– Ты забыл добавить, что видел не простого хитрого немолодого мужчину, а еще и очень скромного хитрого немолодого мужчину, – сказала Ольга.

– И очень себя уважающего, – фыркнул Завулон. – Но, между прочим, он исчез, только когда появился я.

– Может быть, у него просто развито эстетическое чув-ство... – пробормотал Алишер. Но негромко. Не самая луч-шая идея для обычного Светлого мага – ссориться с Высшим Темным.

В квартиру, где жила маленькая семья Толковых, мы под-нялись втроем – я, Гесер и Завулон. Предварительно Заву-лон вежливо подтвердил, что Дневной Дозор не претендует

на инициацию мальчика-пророка, но ему, Завулону, было бы интересно на ребенка взглянуть. Просто для общего развития. Потому что настоящий пророк попадаетея раз-другой в поколение, а уж пророков, за которыми бросается в охоту «тигр», ему вообще встречать не доводилось.

– У тебя мысли какие-то по этому поводу есть? – спросил Гесер, когда мы поднимались в лифте.

Завулон кивнул и даже слегка улыбнулся.

– Есть, Гесер. Есть. Как хорошо, что этого мальчика встретили вы и он не наша головная боль.

– Ну надо же, Дневной Дозор отказывается от пророка, – пробормотал Гесер. – Ты, наверное, и воевать бы за него с «тигром» не стал?

– Стал бы, – с сожалением признал Завулон. – Жадность заставила бы. Но мне очень не понравилось, что четыре Высших Светлых не смогли не то что победить, а хотя бы напугать одного чужака.

– И кто он, этот чужак? – спросил я.

Завулон посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то очень недоброе. Нет, сейчас между нами нет личной вендетты. Но гадостей мы друг другу сделали много. Так уж сложилось, что я, будучи рядовым сотрудником Дозора, ухитрился напакостить Завулону... и стать его персональным врагом. Сейчас у нас как бы перемирие.

Но Темные становятся Высшими не потому, что умеют забывать или прощать. Они просто умеют ждать.

– Не знаю, Антон, не знаю, – со вздохом произнес Завулон. – Вначале я подумал, что речь все-таки о Зеркальном маге. Но Зеркало отражает только чужую силу, а не внешность. Да и вел он себя... – Завулон осекся.

– Договаривай, – дружелюбно сказал Гесер. – Чего уж там.

– Кстати, ты не забыл, что я вам сейчас помог? – спросил Завулон.

Мы вышли из лифта на одиннадцатом этаже.

– Не забыл, – сказал Гесер. – И я готов прийти на помощь тебе...

– Дневному Дозору, – поправил Завулон.

– Дневному Дозору Москвы, – согласился Гесер, – в той ситуации, когда это не будет явно вредить целям и интересам Ночного Дозора или людей.

– Уклончиво, но приемлемо, – кивнул Завулон. – Враг мой любезный, я тебе даже несколько сочувствую. У меня полное ощущение, что ваш «тигр» – не человек.

– Почему наш? – спросил я.

– Почему не человек? – спросил Гесер.

– Готов ответить на один вопрос, – радостно сообщил Завулон. – Выбирайте, на какой.

Гесер презрительно фыркнул и сказал:

– Вообще-то ответы на оба вопроса элементарны. У него не было ауры вообще. Вряд ли он мог замаскировать ее от нескольких Высших. И он выглядел по-разному для каждого из нас. Значит, он вообще не материален, а просто отража-

ется в нашем сознании. А «наш» он по той причине, что его интересуется мальчишка, который теперь под нашей защитой.

– О, то есть в ответах вообще нет нужды? – обрадовался Завулон.

Иногда мне кажется, что пикироваться вот так они могут вечно.

– Ответь на вопрос Антона, – сказал Гесер. – Почему «тигр» – наша проблема.

Завулон кивнул:

– Изволь. На мой взгляд, дело не в том, что он охотится за мальчишкой. Возможно, он просто хотел погладить его по головке и пожелать успехов в борьбе за дело Света. Куда интереснее, что «тигр» ушел после моего появления.

– Он не рискнул биться на два фронта, – сказал Гесер, мрачняя с каждой секундой.

Завулон расхохотался:

– И не надейся! Я полагаю, он не хотел повредить мне.

– Родство душ? – спросил я.

– Ну что ты как маленький, Антон! – упрекнул меня Завулон. – Когда это мешало Темным? Дневной Дозор на нынешний момент уступает вам в силе. И если бы он уничтожил всех нас, Ночной Дозор был бы просто обескровлен, а вот Дневной – практически мертв.

– Поддерживать равновесие – работа Инквизиции, – сказал Гесер. – Ты на это намекаешь?

– Нет, Гесер. Я намекаю на то, что равновесие поддержи-

вает еще и сам Сумрак. Это сумеречная тварь. Ты можешь в них не верить, но...

Несколько секунд Гесер и Завулон буравили друг друга взглядами. Мне захотелось сказать «А вот и не подеретесь!», но я не был уверен, что окажусь прав.

Ситуацию разрядила открывшаяся дверь одной из квартир. Из двери медленно, торжественно, будто черепаха из панциря, высунула голову бабка. Вообще-то ей и пятидесяти лет не было, но выглядела она именно старухой, карикатурной русской «babushka» в представлении американца или европейца – одутловато-полная, в замызганном халате, шлепанцах поверх толстых чулок и даже в платочке. Обалдеть! Таких обычно разве что возле церкви увидишь.

– И что встали? – спросила бабка. – С коврика моего сойди, ирод!

Завулон удивленно посмотрел под ноги. Он действительно стоял на уголке коврика, выложенного бабкой перед дверью квартиры. Коврик явно знал другие, лучшие времена. Когда-то он был частью большого яркого паласа из синтетического волокна, за которыми в советские времена стояли в очередях. Потом, когда даже поливинилхлорид выцвел от времени, покрылся пятнами, кое-где протерся до основы, а кое-где был прожжен сигаретами, палас отлежал свое на незастекленном балконе. Его поливало дождем. Его пыталась грызть сумасшедшая городская моль. На него опрокинули банку с краской.

А теперь этот полуразложившийся гнильник косо разрезали на куски и выкладывали их перед дверью в качестве коврика.

Подчеркнуто вежливо кивнув, Завулон сошел с коврика.

– Пить сюда пришли? – спросила бабка. – На девятый идите, там алкаши живут! А здесь приличные люди!

Самое удивительное, что Завулон ничуть на бабку не злился. Он изучал ее с живейшим интересом энтомолога, с которым попытался наладить общение таракан. Скорее уж закипал Гесер.

– Мы к вашим соседям в гости, – сказал я. – Все в порядке, не беспокойтесь.

– К Ольке? – обрадовалась старуха. – Приставы, да? Что, кредиты не выплачивает? А я ей говорила – нечего с жиру беситься! Без мужа живет, тефтеля своего растит, а туда же – то ремонт делает, то по заграницам мотается... – тут в ее словах прорезалась искренняя ненависть человека, никогда и никуда не ездившего, – то телевизор плоский покупает, то по секциям-кружкам тефтеля своего водит...

– Антон, сделай что-нибудь, – попросил Гесер. – Я... боюсь не рассчитать.

– Да, поработай, – кивнул Завулон. – Хочешь – реморализуй. Обещаю не засчитывать это в ваш лимит на вмешательство.

Наверное, можно было попытаться воздействовать на бабку. Не была же она всегда такой, ведь верно? Не бывает та-

ких людей от природы. С ними случается что-то плохое... а может быть, это неизвестный науке вирус скотства...

– Реморализировать не стану, боюсь надорваться... – сказал я. – Идите спать, бабушка!

Мне даже не хотелось считывать ее имя, будто я боялся испачкаться в ее мыслях.

– Спать? – удивилась бабка.

– Вы будете спать ровно десять часов, – сказал я. – А когда проснетесь, то забудете про нас.

Бабка кивнула и закрыла дверь, втянув голову в щель в самый последний момент.

– Все гениальное просто, – сказал Гесер. И позвонил в соседнюю дверь.

Открыла Ольга Юрьевна. Глаза у нее были чуть затуманены, как у любого человека, попавшего под мягкое, но непреодолимое внушение Иного.

– Проходите! – тоном радушной хозяйки произнесла она, отступая в сторону.

Семена я увидел сразу – он стоял посреди комнаты, одной рукой прижимая к себе мальчика Кешу, а другой «держа» на взводе какое-то очень и очень неприятное заклинание. Семен – он оперативник опытный и умелый. Но увидев «тигра» воочию, я понимал, что никакой опыт и мастерство Семену бы не помогли.

При нашем появлении Семен облегченно выдохнул и взмахнул рукой, разряжая заклинание. Потом сказал:

– Это друзья, Кеша, все хорошо... – А нам, куда с большим чувством: – Спасибо. Вы бы знали, как я рад вас видеть. Даже тебя... Завулон.

Глава шестая

В сказочных книгах родителям юных волшебников всегда честно сообщают, что их ребенка берут учиться волшебству. В Дозорах так никогда не делают. Во-первых, никакой специальной школы у нас нет. Иных учат при Дозоре, и детей среди них редко бывает больше трети, ведь способности Иного могут проявиться в любом возрасте. Среди Иных, как среди шахматистов, нет «взрослых» и «детских» разрядов. Во-вторых, родителям этого просто не надо знать. И дело тут не в том, что они могут что-то разболтать, это легко предупредить простыми заклинаниями. Проблема совсем в другом...

За многие века, пока человечество окончательно утратило веру в магию, а колдуны и волшебники создали Дозоры и разделились на Светлых и Темных, у нас появился немалый опыт общения с людьми. Представьте, что вам сообщили, что ваш сын или ваша дочь – волшебники. Вначале скорее всего вы будете просто рады этому факту (или огорчены, если это противоречит вашей пламенной вере или не менее пламенным атеистическим убеждениям). Потом... потом вам станет обидно. Конечно, все родители хотят своим детям самого лучшего будущего. Но настолько лучшего... понимать, что вы проживете короткую жизнь обычного человека, в то время как ваш ребенок сможет совершать чудеса и будет жить сотни лет – это непросто! Очень многие сры-

ваются и начинают явно или неявно вымещать свое раздражение на ребенке. А это, кстати, может привести к большим неприятностям – дети контролируют себя куда хуже взрослых.

Но главное даже не в этом.

Пусть человек будет рад, что его ребенок – Иной.

Пусть он будет искренне любить его и не пустит в свое сердце даже капли жалости к себе.

Обычно это означает, что мы имеем дело с хорошей, любящей семьей.

И тут начинается самое тяжелое.

«Доченька, бабушка тяжело болеет... ты ведь сумеешь ей помочь?»

Сумеет. Вмешательство седьмого уровня. Ерунда, конечно... но уже нарушает баланс между Дозорами.

«Сын, что-то совсем тяжело жить становится... Не зайдешь ко мне на работу? Там есть такой дядька, от него зависит, повысят ли мне зарплату... сможешь с ним... поговорить?»

Сможет. Вмешательство седьмого или шестого уровня. А еще – расшатывание морали у юного Иного.

«Да что ж они творят, сволочи! Да этот закон все наше образование угробит!»

И даже не надо ничего говорить. Честный хороший ребенок-Иной смотрит на лоснящуюся физиономию чиновника в телеэкране. И невольно желает ему зла.

Вспухает над мудрой чиновничьей головой воронка инферно. И не такая, которые они каждый день накапливают от обычных человеческих проклятий, за эти пусть сами отвечают – детьми-наркоманами, заминированными автомобилями, видеокамерами в бане, а настоящая, серьезная. От которой шарахнет так, что Инквизиция будет мирить Дозоры, выясняющие, кто виноват и кто теперь кому что должен.

Поэтому лучший и единственный способ – сразу объяснить человеку, не важно, большому или маленькому... «Ты – не человек. Ты – Иной. Это не лучше и не хуже... это иначе. Беды и проблемы людей тебя отныне не касаются, а ты – не касаешься их. Тебе хватит своих бед и своих проблем».

Не всегда сразу, но это понимают все.

А родители... они узнают, что их талантливый ребенок будет теперь учиться помимо обычной школы еще и в особой. Физико-химической. Художественной. Или посещать пять раз в неделю кружок макраме. Совершенно не важно, что они будут думать, потому что они примут любую ложь и никогда не станут допытываться до правды. Когда-то я думал, что это все-таки жестоко. Потом понял, что это не жестокость, а жесткость. Добрая жесткость.

...Вот что действительно жестоко – так это инициировать Иного, влюбленного или влюбленную со всем человеческим пылом. И объяснять, что нет, скорее всего он не сможет омолаживать или продлевать жизнь субъекту своей любви... что никогда и ничего не должен рассказывать... Наверное, это

похоже на жизнь разведчика-нелегала, заброшенного в чужую страну. Только Иные не разведчики, и влюбленные, как правило, расстаются. Даже если Иной согласен любить человека, смиряется с необходимостью молчать и видеть, как подкрадывается беспощадная старость, – сама жизнь день за днем, год за годом разводит их все дальше и дальше. Меняются интересы, вкусы, привычки. И любовь умирает.

Поэтому те люди, что отказываются от возможной инициации и остаются людьми, поступают, наверное, мудро. Глупо, но мудро...

– Маме ничего нельзя будет говорить? – спросил Кеша.

– Ничего, – подтвердил Гесер.

– А вот Гермiona... – Кеша исподлобья посмотрел на Гесера, – это подружка Гарри Поттера...

– Я знаю, – ободрительно сказал Гесер.

– Она родителям рассказала.

– Но потом, вспомни, была вынуждена стереть им память, – ласково заметил Гесер. – Поверь, лучше вообще ничего не рассказывать.

Да, после книг Роулинг работать стало гораздо проще. Основную концепцию дети схватывают на лету, только отсутствие Хогвартса их крайне огорчает. Гесер утверждает, что Роулинг написала свои книги по заказу лондонского Дозора, точнее – обоих Дозоров, а разрешение на дозированную выдачу ей информации принимала Инквизиция. Может быть, это правда. А может быть, он просто шутит. Светлым Иным

возможность пошутить легко заменяет невозможность соврать.

– Но в обычную школу я ходить буду? – уточнил Кеша с явной надеждой услышать «нет».

– Конечно, – сказал Гесер. – Волшебники-недоучки никому не нужны. Ты будешь ходить в нашу школу после уроков в обычной. Но сейчас... сейчас тебе придется некоторое время пожить у нас, в Ночном Дозоре. Там есть помещения для сотрудников, тебе дадут комнату с большим телевизором, игровой приставкой...

– Интернетом, – добавила Ольга.

Кеша слегка побледнел – в десять лет перспектива оказаться где-то без мамы пугает куда больше, чем радует возможность колдовать. Но довольно твердо спросил:

– А мама разрешит?

– Конечно, – кивнула Ольга. – Мы ее убедим. И это ненадолго. Несколько дней... может быть, неделя. И отправишься домой.

Завулон саркастически улыбнулся, но промолчал. Он что-то пока не спешил уходить, видимо, никак не мог насмотреться на настоящего пророка. Мы с ним стояли в стороне, а Гесер с Ольгой сидели на диване с обеих сторон от Кеши и на два голоса расписывали ему преимущества жизни Иного. Семен, натерпевшийся страху, пока мы не приехали, пил на кухне чай с Ольгой Юрьевной. В принципе ничего ужасного за то время, пока мы добирались, с ним не произошло. Он

просто обнаружил, что начисто лишился возможности связаться с кем-либо магическим образом, не способен прощупать пространство вокруг и предугадать будущее хотя бы на минуту вперед. Ну и ощущение надвигающейся опасности нарастало с каждой секундой. Семен про «тигра» ничего не знал, но понял, что дело тут не в обычной разборке между Дозорами, что все куда серьезнее. Вот и стоял с каким-то заклинанием на взводе, ожидая, кто доберется до него раньше...

– Это интересно, что я волшебник, – нерешительно сказал Кеша. – А... я обязательно должен им стать? Не могу остаться человеком?

Гесер и Ольга переглянулись над головой мальчика. Завулон хмыкнул.

– Можешь, – признался Гесер. – Если хочешь. Ты хочешь?

– Нет, – твердо сказал Кеша. – Просто интересно.

Недобрая соседка, обзывающая мальчишку тефтелем, была во многом права. Мальчишка был рыхлый, круглолицый, будто Пончик из книжки про Незнайку, кожа на лице была бугристая, как обычно бывает у немолодых людей и крайне редко у детей. Про таких детей родители говорят слегка извиняющимся тоном: «Знаете, он очень умненький и добрый...»

Насчет доброты – не знаю, хотя аура у мальчика и была хорошая, однозначно светлая, Завулону тут нечего было делать. А вот что умненький – это походило на правду.

– Это все из-за самолета? – продолжал расспрашивать Кеша. – Потому что я испугался?

– Да, – кивнул Гесер. – Самолет и вправду мог упасть, ты предвидел опасность. И Антон, – Гесер кивнул в мою сторону, – понял, что ты – пророк.

– И спас самолет? – уточнил мальчик.

– Как видишь, самолет не упал, – ушел Гесер от ответа.

– Так я могу только предсказывать? Больше ничего? – с явным огорчением спросил Кеша.

– Нет, почему же. Просто это у тебя будет лучше всего получаться, – вступила в разговор Ольга. – Это как с музыкой. Всех учат играть на фортепьяно, даже скрипачей и флейтистов. Для общего развития. Так что ты сможешь бросать файерболы, останавливать время, делаться невидимым...

Мне вдруг резко захотелось курить. Последнее время я курю редко, но с пачкой сигарет в кармане все-таки чувствую себя спокойнее. Я посмотрел на Завулону – тот маялся, разминая в руках длинную темную сигарету. Мы переглянулись и не сговариваясь направились на балкон.

Как и положено маленькому балкону в маленькой квартире, он был изрядно захламлен. Тут стояли санки и старый детский велосипед, коллекция пустых банок из-под джемов и солений, большой картонный ящик со всяким хламом, маленький пластиковый контейнер с инструментами. Контейнер был открыт, и я видел, что и молоток, и плоскогубцы слегка подернулись ржой. Ну кто же хранит инструменты на

незастекленном балконе? Эх, женщины...

Или лучше сказать: эх, мужчины? Тяжело быть матерью-одиночкой. Особенно в России.

Мы закурили – Завулон любезно поднес мне язычок пламени, пижонски зажатый между большим и указательным пальцем, я прикурил, не побрезговал. Глубоко затянувшись, я сказал:

– Надо, пожалуй, мамашу отправить на курорт. Что ей здесь торчать, если ребенок будет у нас? А так... может, снимет кого, развлечется...

– Отправь, – согласился Завулон. – Дневной Дозор претензий не имеет.

– Что-то ты добрый сегодня, – сказал я. – И это, прости за дурацкий каламбур, не к добру.

– Я-то могу позволить себе быть добрым, – усмехнулся Завулон. – А вот ты, Антон, стесняешься собственной доброты.

– Почему это?

– А с чего бы иначе эти слова? «Мамаша», «снимет», «развлечется»... Опошляешь собственное доброе предложение. Стесняешься.

Я подумал и согласился:

– Да. Стесняюсь. В наше время даже добрые волшебники стараются выглядеть злыми. Завулон... скажи, а что это такое – сумеречная тварь?

– Чистой воды теория, – усмехнулся Завулон. – Не бери

в голову.

– В Сумраке ведь никто не живет, – сказал я.

– Раз не живет, значит – не живет, – легко согласился Темный, и я понял, что больше никакой информации от него не получу.

– Ну ладно, – сказал я, щелчком пальцев отправляя окурок в полет с балкона, а вторым щелчком – испепеляя его на лету. – Спасибо и на том, что помог. И что не стал претендовать на пацана.

– Будь он боевым магом – претендовал бы, еще как, – усмехнулся Завулон. – Мальчик не наш, конечно, но возможности всегда есть... И будь он прорицателем – я бы за него поборолся. А пророк? Нет, спасибо.

– Ты ценишь прорицателя больше пророка? – поразился я.

– Конечно. Прорицатель говорит о том, что может случиться, – и будущее можно изменить. Пророк вещает истину. То, что неизбежно. Зачем знать неизбежное, Антон? Если неизбежное плохо, то не стоит расстраиваться раньше времени. А если хорошо – пусть лучше будет приятная неожиданность. Многие знания – многие печали. – Завулон посмотрел на сигарету в своих руках. – Бывай, Светлый...

Сигарета в его пальцах вспыхнула мрачным багровым пламенем. Огонь перекинулся на пальцы, пробежал по руке, охватил все тело. Завулон улыбнулся мне сквозь пламя – и исчез.

Только догорающая сигарета упала под ноги.

– Позер, – сказал я. – Фигляр... Самовлюбленный урод!

Демонстративный отказ Завулونا от борьбы за мальчишку-пророка меня пугал. Быть может, это была всего лишь хорошая мина при плохой игре, но что-то подсказывало мне – Темный говорил то, что думал.

Что же это такое – сумеречная тварь?

Завулон говорил так, словно Гесер должен его прекрасно понимать. Значит, Гесер знает...

Но спрашивать у шефа я, разумеется, ничего не стал. У Бориса Игнатьевича свое мнение о том, что нужно знать подчиненным для успешного выполнения своих обязанностей.

Закончилось наше пребывание в квартире Толковых именно так, как я и предполагал. Мать мальчика была посажена в машину и в сопровождении Игоря, Алишера и Жермензона отправлена в аэропорт – лететь регулярным рейсом в Барселону и отдыхать на курорте. Матерью она явно была хорошей, судя по тому, что Семену потребовалось два внушения шестого уровня, чтобы убедить ее оставить ребенка на наше попечение, а самой отдыхать на каталонских пляжах. Ну а для нас Гесер открыл портал прямо в офис Дозора.

И даже инициировал мальчика лично, прямо во время перехода сквозь Сумрак. Можно было бы сказать, что это большая честь, не будь мальчик настоящим пророком.

Комнаты для проживания расположены в офисе в полу-

подвале. Выбор оправданный – реально там мало кто живет, обычно в них ночуют дежурные или останавливаются приехавшие в командировку иногородние Иные.

Ниже есть еще несколько этажей – начиная от хранилища артефактов и архивов и кончая камерами предварительного заключения. Но это уже другая история, туда ведет другая лестница, и вообще так просто туда не спуститься.

Кеше выделили комнату, которую обычно занимали некурящие. Приволокли туда огромный плоский телевизор, две игровые приставки, кучу дисков и два мешка игрушек, закупленных в ближайшем «Детском мире». Судя по всему, покупать игрушки послали бездетного сотрудника, иначе в этой горе не соседствовали бы плюшевые зверюшки, конструкторы «Лего», радиоуправляемые машинки и вертолеты, игры-бродилки, в которые можно играть только компанией, и развивающие деревянные игрушки для малышей младшего детского возраста. Кеша, уперев руки в упитанные бока, взирал на эти развалы с легким испугом.

– Семен, ты уж проследи, чтобы кормил его кто-то семейный, имеющий детей, – попросил я. – И желательно, чтобы ребенок у него был моложе ста лет. А то мальчику принесут шашлык, пиво и копченую колбасу.

– Пиво ему рано, это я понимаю, – кивнул Семен. – А колбаса и шашлык чем плохи? Помню, в гражданскую дело было, подобрал я на вокзале беспризорника – Светлый Иной оказался. Ты его знаешь, кстати, это... ну, не важно.

Худющий был! Так вот, месяц его колбасой откармливал! На Украине дело было, хорошую там колбаску делают... жареную...

– Понял, проехали, – кивнул я. – Тогда точно попроси кого-то из женщин заняться мальчиком. Ладно?

– Попрошу, – усмехнулся Семен. – Только до ужина ему далеко, шеф пожелал немедленно заняться с мальчиком азами магии.

Я пожал плечами. К чему такая спешка? Ребенок теперь под охраной всего Ночного Дозора. Разберемся помаленьку, на что он способен...

– Пойду, – сказал я Семену. – Заберу своих, и домой. Светлана борщ обещала.

– Борщ – это замечательно! – расплылся в улыбке Семен. – А я, пожалуй, в столовку. И сам поем, и повариху попрошу что-нибудь для мальчонки сварганить.

Поварихой у нас была тетка лет сорока, как Иная – слабенькая, но повариха замечательная. Еда в нашей столовой уступала блюдам из мишленовских ресторанов только ценой.

– Вот это хорошая идея! – одобрил я.

В машине Надька тархтела без умолку. Во-первых, ее восхитил открытый Гесером портал. Вообще-то она и сама умела открывать порталы, но ей это было строжайше запрещено, к тому же портал Гесера, на ее взгляд, чем-то отличался. Какой-то «тонкоэнергетической структурой» и «личной

избирательностью». В общем, на его открытие Гесер тратил на порядок меньше сил, а пройти через портал мог только тот, кому это было разрешено.

Во-вторых, Наде было очень жалко мальчика-пророка. Жалко, что он живет с мамой, но без папы. Жалко, что не поехал на море. Жалко, что без мамы в скучном офисе... хотя игрушки ему интересные притащили, можно будет вертолетик попросить на поиграться? Жалко, что он толстый и неспортивный, над ним, наверное, все в школе смеются.

В-третьих, Надя очень гордилась, что подала самому Гесеру правильный совет. Нет, прямо она не хвасталась, но то и дело возвращалась к этому моменту...

Светлана едва заметно улыбалась, слушая болтовню с заднего сиденья. Потом негромко сказала:

– Я очень за вас волновалась.

– Нас была целая армия.

– И сильно вам это помогло? Не люблю непонятные волшебные штуки...

– Это человеческие атавизмы, – вздохнул я. – Иным положено любить магию во всех проявлениях. Кстати, ты не знаешь, что такое сумеречная тварь?

– Впервые слышу, – покачала Светлана головой.

– Вот и я...

– А я знаю! – воскликнула сзади Надя. Поразительная детская способность слышать все интересное, даже если собственный рот ни на секунду не закрывается.

– Ну? – насторожился я.

– Если в Сумраке есть растения...

– Какие растения?

– Синий мох! То должны быть те, кто его ест.

– А кто вообще ест мох? – спросила Света.

– Олени, – автоматически ответил я. – Но этот... он никак на оленя не походил. Козел, конечно, но никак не олень...

– Антон!

– Что я такого сказал? – буркнул я. Надя захихикала. – У нас критическая ситуация...

– Нет уже критической! Кто-то охотится за мальчиком-пророком. Ну и что? Против всего Дозора, да еще если и Темные помогут, никому не выстоять. Гесер сейчас свяжется с Инквизицией, если уже не связался. Порыщут в архивах. Найдут, в чем дело. Какая-то секта, возможно. Как с братьями Регина, помнишь? Ты лучше реши, что предпочитаешь – доваривать борщ или позаниматься с Надей математикой.

– Я математику выбираю, – ответил я. – Борщ я варить не умею.

Секта... Может, и впрямь? Сидели себе пару столетий, ждали пророка. Может, хотят, чтобы он им смысл жизни открыл. Сидели, ждали... Накачивали артефакты энергией, тренировали охотника...

Хорошая версия. Экзотическая, но понятная. Хочется надеяться, что так и есть.

Глава седьмая

С математикой у Нади было плохо. С языками – хорошо, причем она принципиально учила сама, а не пользовалась магией. С историей – прекрасно, ей это было очень интересно, причем и человеческая история, и Иная. Читала она очень много.

Математика не давалась.

С грехом пополам мы справились с квадратными уравнениями (можете считать меня садистом и звать на помощь детского омбудсмана, но Надя училась в школе, где программа не соответствовала утвержденной министерством образования). Дочка с облегчением закрыла тетрадку и забралась на кровать с книжкой. Мимолетно глянув на обложку, я решил, что это какой-нибудь клон Гарри Поттера – там был изображен одухотворенный мальчик, творящий заклинания (ну или каким-то удивительным образом обмотавший руки светящимся голубым туманом и мрачно наморщивший лоб). А сам я пошел в гостиную, выбрал книжку Терри Пратчетта и улегся с ней на диван.

Что еще нужно семейному и немолодому волшебнику для счастья после бурно проведенного дня? Почитать про придуманных волшебников, пока жена варит борщ, а дочка занята чем-то тихим и мирным.

– Папа, так, значит, сумеречные твари и впрямь есть?

Я посмотрел на Надю. И чего ей не читается?

– Наверное. Не знаю.

– И они гоняются за пророками?

– Не верь всему, что говорят в сказках, – ответил я, перелистывая страницу. Волшебник Ринсвинд попал в очередную передрагу, из которой, конечно же, выпутается. Герои всегда выпутываются, если автор их любит... и если не устал от них.

– Но это же не сказки!

– Что? – Я взял из рук дочки книгу, открыл на выходных данных. Ага... и впрямь. Издательство «Иное слово». Печатает книги и прочую бумажную продукцию для Иных. Для Светлых и Темных, без разбора. Конечно, ничего особенно серьезное они не выпускают, настоящие заклинания либо слишком секретны, чтобы их печатать, либо не выдерживают механического переноса текста на бумагу. Кое-что вообще можно передать только на словах и на примерах. Ну а печатают самые основы... тут даже секретность особо не важна, попади такая книга в обычный магазин (как иногда и случается), ее сочтут детской книжкой или же графоманской фантастикой. Книжка называлась «Детство замечательных Иных». – Это что-то учебное?

– Для внеклассного чтения. Истории про детство великих волшебников.

Мне в школе магов учиться не довелось. В те годы находили не так много Иных и открывать ради них школу посчи-

тали нецелесообразным. Так что я учился прямо на работе...

Я пролистал главу про Мерлина, про Карла Цемиуса, про Мишель Лефрой, про Пан Чанга. Наткнулся на статью про Гесера и ухмыльнулся, прочитав первые строчки: «Когда великий Гесер был маленьким, он жил в горах Тибета. В детстве он был некрасивым болезненным ребенком, часто простужался, и его даже обзывали обидным именем Джору – „сопливый“. Никто не знал, что на самом деле Гесер – Иной, один из самых сильных магов на Земле. Про это знал только Темный Иной – Сотон, который мечтал сделать Гесера Темным...»

– Дальше... – нетерпеливо попросила Надя. – Про Эразма...

– Разве Эразм Роттердамский был пророком? – удивился я, открывая книгу на заложенной странице. Закладка была розовенькая, с феечками из какого-то диснеевского мультика. – А... Дарвин...

Автор не баловал юных читателей разнообразными началами. Впрочем, это даже придавало повествованию некоторую эпичность.

«Когда великий пророк Эразм Дарвин был маленький, он жил в деревушке Элтон, в Ирландии. С детства он был мечтательным и романтичным ребенком. Часто убегая из дома, он лежал на поле цветущего клевера и разглядывал цветочки. Эразм был убежден, что растения умеют любить, как люди, что у них даже есть своя сексуальная жизнь. Об этом он на-

писал замечательную поэму „Любовь растений“. Но это было позже...»

Я закрыл книжку и посмотрел на титул. «Пособие для внеклассного чтения для Иных среднего и старшего школьного возраста». Хмыкнул.

– Папа, ну неужели ты думаешь, что я ничего не знаю про сексуальную жизнь? – спросила Надя.

Я посмотрел на нее.

– Надя, тебе десять лет. Да, я думаю, что ты ничего не знаешь.

Надя слегка покраснела. Пробормотала:

– Я же смотрю телевизор. Я знаю, что взрослые любят целоваться и обниматься...

– Стоп! – запаниковал я. – Стоп. Давай, ты об этом поговоришь с мамой?

– Хорошо, – кивнула Надя.

Я попытался вернуть книжку.

– Так про Сумрак правда? – повторила Надя.

– Про Сумрак? Ах, да... – Я стал проглядывать дальше. Вот Эразм научился входить в Сумрак... вот Иные решили привлечь его в Дозор... ну надо же, в Дневной... Что?

Я сел на диване и уставился в текст.

«...пророков и предсказателей всегда очень ценят в Дозорах, потому что дар их встречается редко – особенно дар настоящего Пророка. И если Пророк становится на службу одной из сил, то это может привести к большим бедам. По-

этому сам Сумрак старается не допустить этого. Если пророк может сказать что-то очень, очень важное, чего Иным знать не следует, то к нему приходит сумеречная тварь. Ее порожают глубины Сумрака, и сила сумеречной твари бесконечна – никто из Иных не способен ее остановить или победить. И либо Дозоры оставляют пророка в покое, либо сумеречная тварь его убивает – чтобы не случилось большей беды... Маленькому Эразму повезло. Когда он понял, что сумеречная тварь идет по его следу, он пришел к своему любимому дереву – старому дуплистому ясеню – и выкрикнул пророчество прямо в дупло. Когда пророк изрекает главное в своей жизни пророчество, он не помнит, что именно он говорил. Сумеречная тварь поняла, что о пророчестве никто не узнает, и оставила Эразма в покое...»

Дальше начиналось повествование о том, как хитроумный Эразм убедил Дозоры оставить его в покое и жил счастливой жизнью, создавая забавы ради големов и поднимая трупы, частенько выдавая обычные предсказания для Иных – и иногда шокируя окружающих людей, сообщая им в семнадцатом веке то про Большой взрыв, то про реактивные двигатели на кислороде и водороде, или про самозарождение жизни в океанах. Немножко было и про его внука Чарльза, куда более известного среди людей. Со временем Эразм отошел от дел, как это водится у Иных, инсценировал собственную смерть и теперь живет где-то в Великобритании, не желая ни с кем видаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.